

РЕБЕККА РОАНХОРС

BOOKTUBESFF AWARDS

ПРЕМИЯ
Локус

A movie poster featuring a woman in traditional Middle Eastern or North African clothing, including a headscarf, a dark tunic, and a belt with multiple pouches. She is holding a long, curved sword (shamshir) in her right hand and a rifle in her left hand. The background is a dramatic, cloudy sky with a warm, orange glow. The title 'СЛЕД МОХАММЕД' is written in large, white, block letters across the bottom of the poster.

«Отчаянное путешествие по захватывающему постапокалиптическому ландшафту».

Кейт Эллиот

Fanzon. Наш выбор

Ребекка Роанхорс

След молнии

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Роанхорс Р.

След молнии / Р. Роанхорс — «Эксмо», 2018 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-110365-1

Большую часть мира накрыла Большая Вода, но резервация навахо Динета возродилась. На земли навахо вернулись боги и монстры. Мэгги Хоски — убийца чудовищ, одаренная силой кровожадного клана. В поисках пропавшей девочки она становится последней надеждой жителей маленького городка. Но охота на монстра открывает ей нечто гораздо более страшное. Мэгги неохотно заручается поддержкой Кая Арвиго, знахаря-целителя, и вместе они отправляются в путь, чтобы разгадать подсказки древних легенд, обменяться долгожениями с обманщиками и сразиться с темным колдовством. Когда Мэгги узнает правду, ей придется противостоять своему прошлому — если она хочет выжить. Добро пожаловать в Шестой Мир.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110365-1

© Роанхорс Р., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ребекка Роанхорс

След молнии

*Моему любимому мужу Майклу.
Без тебя я бы не справилась.*

Rebecca Roanhorse
TRAIL OF LIGHTNING

Copyright © Rebecca Roanhorse 2018

Saga Press/Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© М. Сороченко, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Монстр здесь побывал. Я чую его запах.

Зловоние чудовища – смесь резкого запаха пота и мясистой зрелости немытой плоти хищника, к чему примешивается нечто такое, что я не могу определить. Эта вонь не только портит свежесть вечернего воздуха, но и несет в себе нечто более глубинное, чем простой запах, более низменное. Оно выбивает меня из колеи, заставляя мои собственные инстинкты предостерегающе взывать. На лбу моем выступает холодный пот. Я вытираю его тыльной стороной руки.

Я также чувствую запах ребенка, которого украло чудовище. Он легче и чище. Невинней. Девочка пахнет жизнью или, по крайней мере, пахла до тех пор, пока ее не уташили отсюда. Но теперь ее запах мог измениться.

Дверь Капитула Лукачика широко распахивается. Посреди небольшого зала для собраний на старом измятом металлическом складном стуле сидит женщина с непроницаемо-каменным лицом – вероятно, мать пропавшего ребенка. Рядом мужчина среднего возраста в серебристой ковбойской шляпе и подросток в военной форме – с виду моложе меня на несколько лет. Мальчик держит женщину за руку и что-то шепчет ей на ухо.

Кроме них, в этом зале собралось почти все население городка Лукачикай. Кто знает, что привело их сюда – желание поддержать и оказать поддержку или простое любопытство, вызванное притягательной силой чужого горя. Скуковавшись по двое-трое, они сидят угрюмыми группками на точно таких же потрепанных серых стульях, сгорбившись и вдыхая спертый воздух, который с каждой минутой становится все более ядовитым благодаря запертым наглоух окнам и ощущению чрезмерного числа людей, собравшихся в слишком маленьком помещении. Все они местные жители – навахо, или *дине*, как мы себя называем, чьи предки жили в предгорьях Чусских гор на протяжении многих поколений, пока *билигааны*¹ осваивали этот континент. Они могут рассказать истории о родственниках, искалеченных и убитых во время «Долгого пути»² или в индейских школах-интернатах. Вероятно, никогда в жизни они не покидали пределы своей резервации – даже в те времена, когда она представляла собой всеми забытый захолустный район Соединенных Штатов, а не страну *Динета*³, в которую превратилась сейчас. Эти *дине* знают старые песни, исполняемые *хатаалы*⁴, древние легенды о чудовищах и уничтожавших их героях – еще до того, как эти чудовища опять восстали из мертвых, чтобы вновь начать красть деревенских детей из кроваток. И теперь они хотят, чтобы одним из таких героев стала я.

Но я не герой. Скорее последнее средство – орудие для выжигания земли. Я тот, кого выанимаете, когда последний герой возвращается домой в мешке для трупа.

Мокасины не издают ни звука, когда я прохожу по растрескавшемуся кафельному полу и останавливаюсь перед матерью. Тихие разговоры затихают за спиной, все головы оборачиваются в мою сторону. Моя репутация здесь явно известна, поскольку далеко не все взгляды дружелюбны. У дальней стены слоняется взад-вперед группа мальчишек – должно быть, друзей подростка в военной форме. Они громко хихикают, провожая меня глазами, и никто не пытается заставить их утихнуть. Я стараюсь не обращать на них внимания. Говорю себе, что мне все равно. Я здесь, чтобы выполнить работу и взять за нее плату, а то, что будут думать обо мне лукачикайцы, не имеет никакого значения.

¹ Белые люди (*навах.*).

² «Долгий путь» – насильственное переселение индейцев навахо с родины в резервацию Боске-Редондо весной 1864 года.

³ Динета – самоназвание территории проживания индейцев навахо.

⁴ Шаман (*навах.*).

Впрочем, мне всегда плохо давалась ложь.

У матери ко мне только один вопрос:

– Вы ее спасете?

Спасу? Хороший вопрос, не правда ли? Что толку в моих навыках и силе кланов, если я не смогу ее спасти?

– Я ее найду, – отвечаю я.

И найду, вне всяких сомнений. Но спасение и поиск – это разные вещи. Кажется, мать это чувствует. Она закрывает глаза и отворачивается.

Мужчина в ковбойской шляпе откашливается и поднимается со стула. На нем старые выцветшие джинсы «Леви's», которые наверняка были ему впору лет десять назад, но теперь так малы, что живот нависает над пряжкой ремня. Столь же плохо сидящая рубашка прикрывает его дряблый торс, а взгляд налитых кровью глаз, который мужчина бросает на меня, явственно говорит, что он уже в трауре. Что, возможно, он уже и сам не очень верит в спасение.

Он представляет мне мать, мальчика и, наконец, себя. Имя, фамилия, название кланов – всё как положено. Мужчина – дядя пропавшей девочки, а мальчик – ее брат. Все они Бегеи – фамилия такая же обычная для *dine*, как Смиты для *билигаанов*. Но кланы – то, что делает человека *dine* и определяет его родственные обязательства – мне незнакомы.

Он умолкает, ожидая, что и я, в свою очередь, назову свое имя и кланы – чтобы они могли найти для меня место в их маленьком мире, обозначить наши отношения и ту меру дружелюбия, которую они могут проявить ко мне. И то дружелюбие, которое я могу проявить к ним.

Но я молчу. Мне всегда было плевать на традиции. К тому же всем вокруг будет только лучше, если мы останемся друг другу незнакомцами.

Наконец старший Бегей кивает, понимая, что я не склонна соблюдать этикет *dine*, и жестом указывает на матерчатую сумку у своих ног.

– Это все, что мы можем предложить, – говорит он.

Руки его при этом дрожат, и я понимаю, что лжец из него не лучше, чем из меня. Тем не менее он гордо поднимает подбородок и вызывающе смотрит на меня широко раскрытыми глазами из-под полей шляпы.

Я делаю шаг вперед, наклоняюсь и заглядываю в сумку, после чего быстро произвожу подсчеты в уме. Серебряные украшения неплохи – бусы, старые штампованные браслеты, несколько маленьких традиционных ожерелий. Правда, бирюза в них полная дрянь – не хватает «паучьих жил», которые бы делали камни по-настоящему ценными. Серебро можно будет обменять на нужные мне вещи на рынках Тсэ-Бонито, но бирюза ничего не стоит. Это не более чем красивые голубые камешки.

– Бирюза – деръмо, – говорю я вслух.

Раздается недовольное ворчание, и брат с силой отодвигает стул. Металлические ножки протестующе скрежещут по плитке. Мальчик скрещивает руки на груди с гримасой отвращения.

Я не обращаю на него внимания и вновь поворачиваюсь к дяде.

– Возможно, вам следует нанять кого-то другого: «Псов-Законников» или «Жаждущих».

Дядя качает головой. Вся напускная бравада улетучивается под тяжестью ограниченных возможностей.

– Мы пытались. Никто не пришел. Мы бы не стали посыпать «бегуна», если бы не были...

В отчаянии. Он не обязан говорить это вслух. Я пойму и так.

Бегун – немного неверный термин, поскольку на самом деле им оказался низкорослый коренастый пацаненок на мотоцикле. Но на ногах у него были древние кроссовки «Найк» – тщательно обмотанные скотчем для укрепления разошедшихся швов на носках и пятках.

Спросите, откуда я это знаю? Дело в том, что он остановился прямо у меня во дворе, громко рыча мотоциклом на холостом ходу и переполошив моих собак. Я выглянула за дверь и крикнула ему, чтобы он убирался ко всем чертям. И что я больше не занимаюсь охотой на монстров. Но он сказал, что Лукачикай нуждается в помощи и что никто больше не придет. У них пропала маленькая девочка, за поиски которой мне заплатят. Я ответила, что это не мои проблемы, но пацаненок настаивал и в конце концов сумел меня заинтересовать. Последние девять месяцев я не занималась ничем – только пялилась на стены своего трейлера, так что же мне еще оставалось делать? К тому же я изрядно поиздурялась и нуждалась в средствах на жизнь. В общем, когда малыш окончательно отказался уходить, я решила посетить Лукачикай. Но теперь начинаю жалеть об этом. За месяцы добровольного заточения я успела забыть, как сильно ненавижу толпу. И как толпа ненавидит меня.

Дядя горестно разводит руками. Мольба в его взгляде красноречивее всяких слов.

– Я подумал... если вы увидите всё своими глазами...

О да, я вижу всё. В том числе и то, что Бегеи о чём-то умалчивают. Возможно, они не хотят платить нормальную цену только потому, что я женщина.

Возможно, потому, что я – не Он.

– Какая чушь! – громко говорит брат, и от его слов по залу проносится нервное хихиканье. – Что она может сделать такого, на что не способны мы? – Он жестом обводит кучку своих друзей, жмущихся к стене. – Силы клана? Но она даже не говорит нам, к каким кланам принадлежит. Она – ученица *Нейзгани*?⁵ Но это только с ее же слов.

При упоминании имени Нейзгани биение моего сердца учащается, к горлу подкатывает комок. Но я заставляю себя проглотить знакомую боль от того, что меня бросили. Тихий отголосок былых желаний. Я не имею никакого отношения к Нейзгани уже давным-давно.

– Не только с ее слов, – возражает дядя. – Так все говорят.

– Все? Но все говорят, что она ненормальная. Что не следует обычаям навахо. Об этом говорят абсолютно все – кого ни спроси.

По толпе разносится ропот. Не сомневаюсь, что они обсуждают мои сомнительные моральные качества. Но дядя заставляет их умолкнуть одним взмахом руки.

– Она единственная, кто пришел. Что вы хотите? Чтобы я отослал ее обратно? Чтобы оставил твою сестру на ночь с той тварью, которая ее унесла?

– Пошли меня! – крикнул мальчик.

– Нет! В горах нельзя находиться ночью. Чудовища...

Глаза его быстро оглядывают меня – ту, которую он готов послать в горы ночью. Но на лице его нет ничего похожего на чувство неловкости. В конце концов, он платит мне за риск – хотя и довольно скромно. Но племянник – совсем другое дело. Он родственник.

– Мы уже потеряли одного, – поясняет он ослабевшим голосом.

На мгновение кажется, что мальчик готов бросить дяде вызов, но мать смотрит на него так красноречиво, что он опускает плечи. Он громко выдыхает и откидывается на спинку стула.

– Я бы не испугался, – бормочет он, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

Но все понимают, что это неправда. Несмотря на армейские обноски, в которые он одет, мальчик сдался достаточно быстро. Я оглядываю подростков у стены. Они притихли и смотрят куда угодно, но только не на своего друга. Пожалуй, я сильно переоценила его возраст.

Затем я бросаю демонстративный взгляд на закопченное окно, за которым быстро садится солнце. Если бы у меня были часы, я бы сделала вид, что смотрю на них.

– Кажется, я зря теряю время, – говорю я им. – Платите столько, сколько я заслуживаю, и тогда я приступаю к работе. Или не платите, и я иду домой. Мне без разницы. – Я делаю паузу, прежде чем взглянуть на мать. – Но для вашей дочери разница может быть существенной.

⁵ Убийца (*navaх.*).

Мальчик вздрагивает. Не без удовольствия я смотрю, как краска стыда заливает его лицо, как вдруг тяжелый воздух прорезывает женский голос:

– У вас есть сила клана?

Это второе, что произнесла мать с тех пор, как спросила, могу ли я найти ее дочь. Кажется, она сама поражена своим внезапным вопросом. Она поднимает руки, будто намереваясь закрыть себе рот, но затем резко останавливается и опускает руки на колени. Пальцы ее сильно сжимают ткань длинной юбки, после чего она тихо добавляет:

– Как у него – у Убийцы Чудовищ. Ходят слухи, что он всему вас обучил. И теперь вы... как он.

О нет, я далеко не Нейзгани. Это он – легендарный Убийца Чудовищ, родившийся от двух представителей Святого Народа. А я – человек, простая девочка с пятипалыми руками. Но меня трудно назвать нормальной – такой же, как этот брат и его друзья. Я бы послала к черту и мальчишку, и его дядю, но не могу отказать скрывающей матери.

– Я – Хонагаани⁶, рожденная для К'ааханаани.

Я упоминаю лишь два своих первых клана, но и этого более чем достаточно для того, чтобы угрюмая подозрительность толпы переросла в громкую враждебность. Один из мальчиков рявкает в мою сторону что-то грубое.

Мать встает, выпрямив спину, и жестким взглядом заставляет толпу замолчать. В ее глазах зажигается нечто яростное – такое, что заставляет меня проникнуться к ней симпатией, несмотря на все усилия не обращать на это внимания.

– У нас есть еще... – говорит она. Дядя пытается протестовать, но она обрывает его неожиданно громким и повелительным тоном: – У нас есть еще чем заплатить. И мы заплатим. Только найдите ее. Найдите мою дочь.

Я понимаю, что на этом разговор закончен.

Затем расправляю плечи, ощущив спиной дробовик в кобуре. Многолетняя привычка заставляет пробежаться пальцами по ремню кобуры и охотничье ножу Böker, висящему на бедре. Кончики пальцев касаются метательных ножей, заткнутых за обвязки мокасин, – справа серебряного, слева обсидианового. Я перекидываю мешок через плечо, бесшумно поворачиваюсь и начинаю пробираться сквозь умолкнувшую толпу к выходу. Голову я держу высоко поднятой, руки свободными, взгляд направлен прямо перед собой. Я толкаю дверь и выхожу из душного Капитула как раз в тот момент, когда брат кричит:

– А что, если она не вернется?

Я не утружаю себя ответом. Если я не вернусь, то у Лукачика возникнут проблемы посерьезнее, чем одна пропавшая девочка.

⁶ Дух-покровитель клана (*iàâàð*).

Глава 2

В течение часа я иду в гору по еле заметным тропинкам, сломанным веткам и блестящей траве, не имея визуального контакта со своей «дичью». Но я все равно уверена в правильности выбранного направления. Погрузившись на мгновение в красоту убывающего дня, я забываюсь в мерном ритме дыхания и забываю о том, что пришла сюда убивать.

Вокруг меня что-то вроде леса. Пондероза⁷ и голубые ели раскинулись по высоким горам, став пристанищем для маленьких барсуков, мышей иочных птиц. Смолистый сосновый запах густо наполняет воздух, опавшие иглы мягко хрустят под ногами. Назойливые насекомые, привлеченные запахом пота, радостно гудят у моих ушей. Я наслаждаюсь красотой и спокойствием. Точно так же, как потом буду наслаждаться кровопролитием. Но это равновесие – между землей, животным миром и самой собой – кажется правильным. Кажется истинным.

Солнце садится, и появляется луна. Вокруг меня сгущается ночь. Деревья становятся тенями, мелкие зверьки прячутся от очных хищников, насекомые улетают. Удовольствие гаснет вместе с дневным светом.

Я иду вперед, пока запах гнили не становится настолько сильным, что начинает подавлять. Страх, как темная сторона интуиции, нарастает в моем животе, и я понимаю, что почти добралась до цели. Я сглатываю страх, во рту становится сухо и кисло, но я продолжаю идти. Пальцы безотчетно трогают оружие.

Вспышка света впереди на тропинке привлекает мое внимание. Я пригибаюсь и осторожно подхожу ближе. Там горит костер. Пламя его трепещет и дрожит, отбрасывая беспорядочные отблески на стволы высоких деревьев. Огонь из всех сил пытается подняться выше, но дрова – кучка сухих палок, сложенных в неглубокую ямку, – сгорают быстро и не дают ему разрастись.

Я обхожу костер по дуге с юга, чтобы зайти к лагерю с восточной, подветренной стороны. По пути заряжаю дробовик патронами, начиненными кукурузной мукой и обсидиановой дробью. То и другое – священные вещества для *дине*. Боеприпасы предназначены для охоты на *йее наалдошии*⁸, чайидии⁹ или любых других чудовищ, считающих Динету своим домом. Но если я ошибаюсь и этот монстр принадлежит к более распространенной человеческой разновидности, то патроны отлично сработают и на нем. Дыра вместо сердца всегда одинакова – вне зависимости от того, что ее проделывает.

Я нахожу отличное место. Листва хорошо прикрывает меня, но не мешает обзору лагеря. Я прижимаю дробовик к плечу и смотрю вдоль ствола. Но то, что я там вижу, чуть не выворачивает мне желудок.

Чудовище похоже на человека, но я уже знаю, что это не так. Оно лежит, растянувшись на синем спальном мешке под импровизированным навесом из грубого брезента, привязанного серым шпагатом к двум деревцам. Большая часть его тела скрывает девочку из виду, но я ее слышу. Она хнычет мяукающим голосом, когда рот чудовища касается ее шеи, и умоляет его остановиться.

Но оно не останавливается.

Ярость переполняет меня и затуманивает зрение. Я борюсь с волной воспоминаний, проносящихся в голове, – об ощущении веса мужчины, удерживающего мое собственное тело, о густой крови, заливающей горло в тот момент, когда сильные пальцы сжимают мне голову и бьют ею о пол. О вопиющем ощущении несправедливости.

⁷ Пондероза – карликовое дерево, разновидность лимона.

⁸ «Перевёртыш» (*िàâàð*).

⁹ Злой дух или демон (*िàâàð*).

Воспоминания сотрясают меня, заставляют дрожать руки. Я заставляю себя их отряхнуть. Напоминаю себе, что это всего лишь память, которая больше не способна причинить мне боль – ведь чудовища, который проделал со мной такое, больше нет. Я его убила.

До последнего я надеюсь, что Нейзгани бросится на гору с пылающим молниеносным мечом в руках и поможет мне. Я даже жду полсекунды, чтобы увидеть, как это произойдет. Но... ничего не случается. Здесь его нет. Здесь лишь я.

Я снова поднимаю дробовик и прижимаю приклад к плечу. Отодвигаю ногу, не отрывая взгляда от цели. Тяжело наступаю на упавшую ветку. Громкий отчетливый щелчок уносится в тихую ночь.

Я жду, когда он приподнимется и подставится под четкий выстрел. Но... тщетно.

Не сводя глаз со спины чудовища, я наклоняюсь и поднимаю камень. Затем с силой швыряю его в стоящий вдалеке сумах¹⁰. Камень врезается в ствол с громким стуком. Я крепче сжимаю дробовик, не отрывая пальца от спускового крючка.

По-прежнему ноль внимания. Крики девочки становятся все громче и безумнее.

Да пошло оно все! Я бью прикладом дробовика по дереву, за которым пряталась, и кричу:
– Эй! Иди сюда!

Чудовище мгновенно встает на дыбы и начинает вертеть головой из стороны в сторону в попытке разглядеть меня в ночи. Близость к костру сделала его слепым.

Я стлатываю желчь. Его рот измазан кровью. Он грыз ей горло. Этот сукин сын ее ел.

Я стреляю. Выстрел разрывает ему грудную клетку. Он начинает пошатываться, но не падает. Кровь сочится, влажно сверкая в свете костра, затем начинает лить потоком. Я начинаю отсчет до десяти. За десять секунд любой человек потеряет столько крови, что ему ничего не останется, кроме как падать мешком на землю. Я понимаю, что он только похож на человека, но надеюсь, что правило останется в силе: если я выживу в течение десяти секунд, то я выиграю.

Он большой, широкоплечий и толстый. Неудивительно, что он так легко нес девочку в горы много миль. В мерцающем свете чахлого костра я не могу разглядеть его в деталях. Он человекообразный, с узловатыми шишками, выступающими из спины, плеч и бедер, которые похожи на огромные опухоли. Руки кажутся слишком длинными. Они отходят от туловища и упираются прямо в землю. Кожа такая прозрачная, что почти светится. Вместо груди теперь – кровавая дыра.

Я передергиваю затвор и стреляю снова. В этот раз выстрел отрывает кусок его плеча. Кровавые ошметья плоти и кожистые нарости летят прямо на девочку, которая отшатывается назад на четвереньках. Монстр все еще на ногах. Он рычит на меня как раненый разъяренный кабан.

– Беги! – кричу я девочке и начинаю подходить ближе.

Шесть, пять, четыре. У него огромная дыра вместо сердца и отсутствует часть руки. А он все еще едва шатается. Я понимаю, что у меня неприятности.

– Падай, – шепчу я. – Ну, падай же.

Он засовывает свою тяжелую лапищу под спальный мешок и вытаскивает оттуда длинный зловещий топор, предназначенный для рубки деревьев и вышибания окон в спальнях маленьких девочек. Я не сомневаюсь, что он легко и с удовольствием рассечет мою плоть. Но не собираюсь давать ему ни шанса.

Одним отработанным движением я засовываю дробовик в кобуру за спиной и достаю свой Böker, похожий на мачете. Семь дюймов¹¹ изогнутой стали с утяжеленным острием. Но прежде чем я успеваю атаковать, он поворачивается к девочке, хватает ее, перекидывает через плечо и бежит.

¹⁰ Сумах – род, объединяющий около 250 видов кустарников и небольших деревьев семейства сумаховые.

¹¹ 17,8 сантиметра.

— Чёрт!

Я бросаюсь за ним в погоню, пряча на ходу охотничий нож и доставая из завязок мокасина маленький нож, предназначенный для метания. Я швыряю обсидиановое лезвие быстро, словно выстреливаю молнию — одним гладким коварным движением из-под руки. Нож летит ровно и точно. С мрачным удовлетворением я наблюдаю, как он вонзается в заднюю часть колена чудовища. Оно рычит и спотыкается, чуть не выронив из рук визжащую от ужаса девочку. Но затем продолжает бежать. Быстрее, чем можно было бы ожидать от существа с ножом в ноге. Быстрее, чем это вообще возможно. Довольно скоро монстр затеряется в темном лесу. Поэтому я делаю единственное, что мне сейчас доступно: пытаюсь разогнаться.

И *Хонагаани* приходит ко мне, отзовавшись на мою просьбу. Словно поток дикого огня проносится по моим венам. Он наполняет мышцы и превращает меня в нечто большее, чем я была без него. Мое зрение обостряется, легкие расширяются. Я почти лечу, едва касаясь земли легкими ногами. Инстинктивно уворачиваюсь от веток, перепрыгиваю поваленные деревья и густой подлесок. Я приближаюсь к монстру слишком быстро — в течение считанных миллисекунд между двумя вдохами. И вот, запнувшись, я уже падаю на его широкую спину.

Один удар, и все троем мы падаем на лесную подстилку. Девочка вылетает из его рук, когда он врезается лицом в землю. Большое тело смягчает мое собственное падение и дает мне момент преимущества, которым я немедленно пользуюсь. Я перекатываюсь и вынимаю нож раньше, чем встаю на ноги. Теперь, когда монстр поднимется, я буду уже наготове.

Он переводит взгляд с моего ножа на девочку, которая лежит лицом вниз и молчит. Возможно, уже мертвa, но я этого пока не знаю. Глаза чудовища вновь начинают метаться между нами, и в этот раз, когда его взгляд останавливается на девочонке, он облизывает губы.

Я замахиваюсь в попытке полоснуть его по горлу. Несмотря на то что я все еще действую со скоростью *Хонагаани*, он успевает выбросить вперед руку и поставить блок. Я корректирую направление удара, извиваясь с клинком в руке с ловкостью горного кота, и вторгаюсь в самое незащищенное пространство. Клинок глубоко проникает в живот и режет внутренности. Затем еще раз. И еще. Жестко, быстро, безжалостно — как меня учили. Мои руки становятся скользкими от крови. Зловоние, вырывающееся из внутренностей, ошеломляет, глаза начинают слезиться. Я моргаю, но не останавливаюсь. Даже не делаю паузы между ударами, чтобы удостовериться в успехе. Я просто режу и жду, когда его тело упадет на землю.

Но мне опять не везет. Огромные руки обхватывают меня и сжимают. Ствол дробовика больно впивается в позвоночник. Я яростно борюсь за возможность вдохнуть. Плечо вспыхивает огнем, когда он наклоняется и изо всех сил пытается прокусить мою кожаную куртку.

Я кричу — отчаянно и безотчетно — и беспомощно дергаюсь в его тяжелых руках. Паника сотрясает мне кости, и я вижу, как вспыхивают и гаснут звезды на краю поля зрения. Он сжимает сильнее. Грызет мне плечо, как собака кость. В правой руке я всё еще удерживаю свой Böker. В отчаянии я перекладываю нож в левую и высвобождаю руку. После чего изо всех сил замахиваюсь по направлению к его шее. Это неудобно, удар выходит неуклюжим, но он получается. Монстр отпускает меня с ревом боли. Отшвыривает прочь. Я лечу, дико размахивая руками и ногами, и тяжело ударяюсь о землю.

Весь бок горит от боли. Я не могу отдохнуть, плечо пульсирует, но я заставляю себя подняться на ноги, одновременно ощупывая землю между нами в поисках ножа.

Но в нем уже нет необходимости. Чудовище пошатывается, рука неуклюже тычется в шею в попытке удержать на месте плоть и сухожилия, и я понимаю, что сумела отрубить ему голову. С трепетом я наблюдаю, как оно оседает на землю.

Всё.

Чудовище мертво.

В изнеможении я падаю на колени. Даже такое ограниченное использование силы клана истощило меня полностью. Потому что всё, что дает человеку *Хонагаани*, он же потом заби-

рает обратно. Сердце колотится в груди, как большой барабан. В ушах грохочет рев бури, дрожь тела становится совсем неуправляемой. Это тает адреналин в мышцах.

Я возбужденно кричу от непристойной эйфории. Мне уже знаком этот кайф. Это сила клана *К'ааханаани* — жажда крови, заставляющая упиваться убийством. Чувство вины и ужаса переполняет меня, я пытаюсь мысленно оттолкнуть *К'ааханаани* от себя, но это невозможно, пока мое тело с ног до головы покрыто кровью, а у ног валяется тело поверженного врага. Я слышу свой ликующий голос, разбегающийся эхом среди деревьев, и покорно жду, когда меня отпустит извращенная убийственная сила клана.

Некоторое время единственным звуком в ушах остается мое собственное разгоряченное дыхание. Затем я начинаю слышать мягкий шелест крон деревьев.

Грязь и камни прилипают к пропитанным кровью легинсам и больно впиваются в колени, пока я ползаю и собираю свои ножи. Я более-менее очищаю их и убираю в ножны обсидиановый клинок.

Böker остается в моих руках. Дорубив шею чудовища до конца, я отделяю голову от туловища. Такого монстра я еще не встречала. Но я знаю, что он слишком долго умирал, поэтому хочу быть уверенной, что он не встанет, когда я отвернусь. Забрать голову с собой — самый надежный способ себя обезопасить.

За спиной раздается шарканье.

Я резко оборачиваюсь. Возможно, слишком резко, поскольку в глазах сразу темнеет. Если тут еще один монстр, я буду не в силах его одолеть.

Но это девочка. Я совсем забыла о девочке.

Она села, прислонившись спиной к голому стволу дерева. Грязная ночная рубашка порвана в клочья. С волос свисают тягучие сгустки крови. Цвет лица ужасный — прозрачно-меловой, несмотря на смуглость кожи. Теперь я вижу ее рану — сквозь черную кровь белеют кости и сухожилия в том месте, где плоть разрывали зубы монстра. Он не просто грыз ее. Он пытался вырвать ей горло.

Она пытается заговорить, но лишь беззвучно открывает рот. Рана слишком серьезная. Глаза большие, широко открытые и совершенно остекленевшие. Ей не может быть больше двенадцати лет. И вид раны подсказывает мне, что она вряд ли доживет до тринадцати.

Я подхожу к ней и присаживаюсь на корточки, чтобы посмотреть глаза в глаза. Девочка очень похожа на меня. Такая же смуглая кожа, темные волосы, широкое угловатое лицо.

Я еще не убрала Böker, но держу его прижатым к земле, вне поля ее зрения.

— Тебя утащило чудовище, — говорю я тихо и указываю на ее рану. Девочка закатывает глаза, пытаясь дотянуться взглядом до кровавого месива на своей шее. — Ты понимаешь, что это значит?

Низкое болезненное мычание — это все, на что она способна.

Нейзгани однажды сказал мне, что зло — это болезнь. Он объяснил, что может видеть его в людях, как заразу. Что *билигааны* ошибались и зло — это не какое-то там духовное понятие или действия плохого человека. Нет, оно вполне реально, существует физически и напоминает инфекционную болезнь. Злом можно заразиться, если что-то злое попадает внутрь. А оказавшись внутри, оно начинает управлять человеком. Заставляет творить ужасные вещи. Уничтожать то, что было дорого. Причинять боль окружающим и в конце концов убивать. Когда такое случается, человек рискует превратиться в еще одного монстра.

Он сказал, что во мне есть часть этого зла, что оно коснулось меня в ту ночь, когда он меня нашел. И что оно проявилось, как *К'ааханаани*, делающее меня и сильнее, когда нужно, и намного порочней. Так получилось, что я иду по очень узкой тропе. Я должна быть очень осторожна — не давать злу расти и не кормить его без надобности. Потому что судьба моя еще не решена. Я могу быть как убийцей чудовищ, так и сама стать чудовищем.

Тогда я только отщупилась. Сказала, что это звучит как суеверие или дурацкая болтовня стариков. И неважно, что я разговаривала с бессмертным. Правда в том, что он меня тогда до смерти напугал. Потому что я поняла, о чем он говорил.

В тот момент мы стояли посреди поля, заваленного трупами. Его глаза смотрели на меня пристально, но были такими же недоступными и непостижимыми, как самые отдаленные уголки Вселенной. Я хладнокровно чистила свой Böker о куртку мертвеца, но изгиб губ Нейзгани и морщины между густых бровей ясно говорили мне, о чем он думает.

На следующее утро он исчез. Трудно сказать, почему он, Убийца Чудовищ, не убил меня тогда, если думал, что я превращаюсь в монстра. Может, те годы, пока я была его ученицей, что-то для него да значили. Может, просто передумал в последний момент. Но теперь, сидя лицом к лицу с этой девочкой, столь похожей на меня, я чувствовала себя так, словно меня ударили под дых.

Надо рассказать ей то же, что говорил мне Нейзгани. Я не жестокая. Просто честная.

– Это значит, что ты заражена.

Влажное дыхание становится громче.

– Даже если ты выживешь, инфекция будет только усиливаться. Тебе придется бороться с ней всю жизнь. Она проникнет вглубь и подчинит тебя себе. – Я сглатываю, чтобы прочистить горло. – Я познакомилась с твоей семьей. Там, в городе. Они хорошие люди. – Нос вдруг начинает чесаться, и я тру его тыльной стороной ладони.

Она покачивается на месте, не отводя от меня глаз.

– Они будут пытаться говорить правильные вещи. Будут пытаться все исправить. Исправить тебя. Но они не никогда не поймут. То, что случилось с тобой, исправить невозможно.

Это самая длинная речь, которую я произнесла перед другим человеком за несколько последних месяцев. Но теперь я не жалею, что потратила на нее время. Она должна знать. Должна понять, почему я сделаю то, что собираюсь сделать.

– Инфекция, – продолжаю я, – превратит тебя… в нечто иное. В нечто такое, что начнет причинять зло другим людям. Ты бы точно не захотела стать этим… – «чудовищем», чуть было не сказала я. – Понимаешь?

Она сглатывает, и я вижу, как дергаются мышцы ее горла – гладкие и влажные там, где больше нет кожи.

Я киваю и сжимаю нож покрепче. Мне хочется попросить у нее прощения, но я лишь говорю:

– Закрой глаза.

Веки девочки трепещут и наконец закрываются. Я убираю волосы с ее лица. Обнажаю шею.

И все-таки бормочу «прости». Я уговариваю себя, что она понимает, что я ее спасаю, даже если так не кажется со стороны.

Наконец взмахиваю большим ножом.

Голова отделяется чисто.

Тело обмякает на лесной подстилке.

В животе зарождается твердый комок, от которого я сгибаюсь пополам, ощущая тошноту. Нож вдруг становится тяжелым и неповоротливым в моей руке, но я стараюсь не обращать на это внимания. Знакомая рукоять трет ладонь, как наждачная бумага. И я не могу не думать о том, что если я все сделала правильно, то почему мне так… херово?

Я отшатываюсь от мертвого тела. Земля усеяна следами резни, которую я учинила всего несколько минут назад. Я заставляю себя принять все: запахи, кровь, обезглавленные тела. Теперь оно навсегда останется в памяти. Как источник дляочных кошмаров.

Лес вокруг тих. Какое бы суждение он ни составил обо мне, но лес предпочитает держаться особняком. Кусок растопки шипит и потрескивает в далеком костре, прежде чем

сдаться огню. Через несколько мгновений последнее пламя гаснет, оставляя мне лишь темноту и пепел.

Глава 3

Я возвращаюсь в Лукачикай сильно за полночь.

Я уничтожаю импровизированный лагерь монстра. Ненадолго восстановив костер, я сжигаю в нем все, что не представляет практической ценности. Две головы я кладу в отдельные холщовые мешки. Затем вскрываю один из своих патронов, высыпаю немного кукурузной пыльцы в ладонь и молюсь над обоими телами. Не то чтобы я умею это делать, но дедушка Тах всегда говорил, что пыльца связывает плоть с землей. Мне кажется, отсечение головы не менее эффективный способ, но кто я такая, чтобы спорить со знахарем?

Отрубленные головы бьют по спине и сочатся жижей. Тащить их в мешках по темному лесу – еще одно кошмарное занятие. Единственный плюс в том, что я одна. Никаких животных, никаких чудовищ. Пару раз я замечаю увязавшегося за мной койота, но он держится на расстоянии, лишь поблескивая парой желтых глаз в темноте.

Дверь в Капитул освещает одинокая голая лампочка. По идеи, она должна казаться мне маяком в ночи, несущим надежду, но вместо этого светится угрожающе и бледно. Входная дверь закрыта и заперта на засов оточных чудовищ. Не знаю, считают ли меня здесь одним из них, но на всякий случай тяжело стучу в дверь в надежде, что кто-нибудь да ждет.

Гремит засов, и дверь слегка приоткрывается внутрь. Из щели выглядывает лицо. Это мой «бегун» – тот самый парнишка, который приехал ко мне сегодня утром предлагать работу в Лукачикае.

– Где все? – спрашиваю я.

Он пристально разглядывает меня, и я понимаю, что выгляжу, должно быть, ужасно. Я убираю волосы с лица, оставляя на лбу кровавые полосы, и слегка ему улыбаюсь.

– Надежно заперлись, – отвечает он. – Боятся чудовищ.

– Даже брат?

Рот его кривится.

– Особенно брат.

Я усмехаюсь. Выходит, не только меня впечатлило поведение младшего Бегея.

– А ты почему не надежно заперт?

– Я вызвался ждать. Меня не пугают монстры.

– Неужели? – Я перекидываю окровавленные мешки с одного плеча на другое и слышу, как стукаются друг о друга головы. – С чего так?

– Потому что знал, что вы его убьете. Вы знаменитость.

Я фыркаю.

– Знаменитость?

– Подружка Убийцы Чудовищ.

Лицо мое становится жестче.

– Я не его подружка.

Мальчик огорченно смотрит на меня. Он разочарован – *как мною, так и собой*.

– Слушай, – говорю я, – у тебя мое вознаграждение?

– А вы сделали работу?

Какой дельный парнишка. Я скидываю мешки с плеча. Откладывая маленький в сторону и берусь за большой.

– Этот не открывай. – Я показываю на маленький. – Он для семьи. Пусть похоронят как положено.

– Вы не спасли ее?

Я не отвечаю на вопрос. Он очень сложный, а я слишком устала, чтобы суметь как следует объяснить. Я открываю большой мешок и показываю содержимое.

После того как мальчик заглядывает внутрь, часть его бравады куда-то улетучивается. Он тяжело сглатывает.

– Это...

– Голова чудовища. Отнесу ее знакомому знахарю в Тсэ-Бонито. Может, расскажет, кто это. Или *что*.

Малыш кивает.

– Круто!

Может, и «круто», когда ты в его возрасте, но для меня это совсем не так. Он шарит рукой где-то за дверью и достает уже знакомую мне синюю сумку.

Естественно, я проверяю, что там внутри. Те же серебряные украшения, та же говенная бирюза.

– Да ладно!

– Ой, – восклицает мальчик, делая вид, что забыл. Затем снова шарится за дверью и достает оттуда два одеяла. Одно, похоже, «Пендлтон»¹² – толстое и теплое, но яркий сине-зелено-желтый традиционный стреловидный узор достаточно банален. А вот второе... Я узнаю в нем ковер «Два Серых Холма»¹³. Как рассказывала мне *нали*¹⁴, такие ковры – ужасная редкость и стоят очень дорого. Сейчас их почти уже не делают.

Я впечатлена.

– Это очень дорого.

Он пожимает плечами и начинает ковырять в зубах. Взгляд его блуждает по маленькому окровавленному мешочку. Но он не выглядит испуганным от того, что внутри. Скорее ему любопытно.

Я оставляю себе «Пендлтон», но возвращаю ему «Два Серых Холма».

– Скажи семье, что мы в расчете. Сделка состоялась.

Плата есть плата, и я не собираюсь проявлять мягкость. Но и не могу взять «Два Серых Холма», если голова их дочери лежит в мешке.

Я засовываю яркое одеяло под мышку, затем беру в одну руку сумку с драгоценностями, а в другую мешок с головой монстра и иду к своему грузовичку.

– Как вы думаете, здесь еще есть чудовища?

Голос мальчика за моей спиной хриплый – но больше от волнения, чем от страха.

– Не могу сказать, пока не расспрошу знахаря.

Я скорее чувствую, чем вижу, как он наклоняется над маленьким мешком.

– Не вздумай!

– Это она, да? – спрашивает он уже в полном волнении. – Атти?

Понятия не имею, как ее звали.

Я швыряю мешок с головой монстра в кузов, но одеяло и украшения бережно кладу на сиденье рядом с собой. Потом заглядываю в зеркало заднего вида. Освещенный одинокой лампочкой парнишка по-прежнему сидит на корточках возле мешка с головой Атти.

¹² Pendleton – один из старейших американских производителей шерстяных вещей. Визитная карточка бренда – теплые мягкие пледы с яркими узорами, вдохновленные творчеством и бытом коренных народов Северной Америки.

¹³ Ковры, изготавляемые индейцами резервации Навахо в районе Two Grey Hills; имеют геометрический узор черного, белого, серого и коричневого тонов. Считаются лучшими из 13 типов индейских ковров.

¹⁴ Бабушка со стороны отца (íàâàð.).

Глава 4

Я живу в небольшом трейлере с одной спальней, которым обзавелась несколько месяцев назад. Предыдущий владелец умер во сне прямо в нем, так что вряд ли теперь кто-то будет жить здесь, кроме меня. Но формально это можно назвать кражей, поскольку я за него не платила.

Трейлер я припарковала на заросшем кустарником участке земли примерно в часе езды к югу от Лукачика – в так называемой Хрустальной Долине. Она находится в полумиле от старой заброшенной школы-интерната, подарившей долине свое прославленное имя, и прямо у входа в Нарбонский перевал, являющийся единственной дорогой через Чуские горы на ближайшие пятьдесят миль¹⁵ в обе стороны. Сам перевал назван в честь злополучного вождя навахо по имени Нарбона, который в далеком 1849 году явился на переговоры о заключении мира с армией Соединенных Штатов и был застрелен из-за хромой лошади и плохого переводчика. Вот и пытайся после такого стать миротворцем...

По всей долине длиной в десять миль разбросано около двадцати пяти семей, и большинство из них ются у поворота на шоссе, который я проехала четыре мили назад. Это означает, что у меня нет близких соседей, но меня это вполне устраивает. Конечно, отсутствие людей поблизости чревато тем, что если я попаду в беду, то никто не станет меня спасать. Я довольно неплохо умею постоять за себя сама, но иногда даже самые крутые воины *dine* могут нуждаться в помощи. Спросите об этом Нарбону.

Вот почему я держу собак. Троица обычных для резервации дворняжек бегают вокруг дома маленьkim стадом, но они довольно неплохо охраняют его от нежелательных посетителей – людей, животных и любых других. Первого щенка я завела, когда осознала, что Нейзгани больше не вернется. Вторая псиная пришла ко мне сама и отказалась уходить, ну а третья оказалась последней выжившей из своего помета – прямо как я.

Они радостно приветствуют меня, когда я въезжаю в ворота на своем грузовичке и миную загон для скота. Никому, кроме меня, не позволено проезжать в эти ворота. Они знают это и неминуемо стали бы облавливать чужую машину. Но для них я своя, как и мой старенький «шеви» с грохочущим и гудящим двигателем, который я немножко доработала, чтобы можно было заправлять машину самогоном. Ведь бензин по теперешним временам – редкая роскошь. Знаком им и звук шин, особенно задней правой – там ослабла подвеска, и шина бьет теперь в знак протеста протектором о крыло. Я напоминаю себе, что уже давно следует заняться ремонтом – и чем раньше, тем лучше.

Оказавшись внутри, я захожу в душевую и стягиваю с себя окровавленную одежду. Она настолько залита кровью, что я раздумываю некоторое время, не выкинуть ли ее вообще, но в конце концов бросаю в раковину, вытаскиваю из слива пробку и выливаю немного драгоценной воды сверху, чтобы пропитать ею волокна. Я надеялась, что большая часть крови выйдет сама по себе – вместе с водой, но тщетно. С моим везением приходится чистить вещи вручную, чтобы добиться более-менее приемлемого вида. Одежда, которую можно купить на правительственном торговом пункте в Тсэ-Бонито, вполне крепкая, но там это в основном неокрашенная шерсть или чьи-то обноски по чудовищно грабительским ценам.

Я запускаю генератор и даю ему время нагреть то, что осталось в баке для воды. Знаю, что принимать душ, сидя на жестком водном пайке, довольно неосмотрительно, но что делать. В волосах кровь и сгустки чего-то еще более мерзкого, так что без горячей воды и юккого¹⁶ мыла теперь никак не обойтись. Эта процедура оставит меня без воды до конца месяца,

¹⁵ Примерно 80 км.

¹⁶ Юкка (Yucca) – съедобное растение, известное также как «мыльное дерево» (soaptree). Представляет собой небольшое дерево с укороченным, слабо разветвленным стволом. Распространено в пустынях Мексики и южных штатов США. Клубне-

поскольку цистерна с водой приедет не раньше чем через две недели. Но оно того стоит. Я даже позволяю себе немного постоять в пару и не торопясь выковыриваю запекшуюся кровь из-под ногтей. К тому времени, когда я заканчиваю, кутикулы кажутся ободранными, а лицо раскраснелось и покалывает, когда я к нему прикасаюсь. Но теперь я точно чистая.

Я подумываю о том, чтобы немного вздремнуть, но решаю отложить это на потом. Не потому, что я не устала. Я полностью разбита, и тело все еще ноет от боли – особенно плечо, которое пытался сжевать монстр. Но если я хочу добраться до Таха пораньше, чтобы застать его до завтрака, то времени на сон у меня точно нет.

Я кладу дробовик обратно на полочку в кабине грузовика, убеждаюсь, что голова монстра по-прежнему валяется в кузове, затем сажусь за руль и еду на юг. Дорога к дому Таха в Тсэ-Бонито занимает не меньше часа. Я включаю радио, чтобы не скучать. После Большой Воды в Динете остался только один надежный источник радиосигнала. Это универсальная АМ-радиостанция, на которой крутят старые музыкальные записи (в основном кантри), а также правительственные отчеты вместо новостей. Время от времени кто-нибудь за пределами Динеты усиливает радиосигнал настолько, что ему удается пробиться сквозь Стену. И тогда в течение недели или двух мы имеем возможность послушать о проектах крупных гидротехнических сооружений, возводимых вдоль недавно сформированного побережья, которое простирается от Сан-Антонио до Су-Фолс, или о продолжающихся гражданских беспорядках в Нью-Денвере. Но в целом Динета осталась такой же уединенной и изолированной, какой была до Большой Воды, и большинство местных жителей, похоже, даже не заметили разницы.

Все это благодаря Стене. Совет Племени одобрил ее еще тогда, когда начались Энергетические Войны. Большинство *дине* поддержали строительство Стены. Мы все выросли на легендах, которые учат, что наше место – на территории наших предков, на земле в объятиях Четырех Священных Гор. Но были и те, кто называл идею Стены абсурдной, кто говорил, что это параноидальная попытка установить пограничный контроль – такая же бессмысленная, как попытка обреченного американского правительства выстроить стену вдоль их южных границ за несколько лет до Большой Воды.

Но племя все равно ее построило. Глава Совета – его звали Дешен – написал статью в «*Навахо таймс*», которая испугала людей – особенно после событий, известных как «Бойня на Равнинах». Люди навахо больше не в безопасности, писал Дешен. Он оживил призрак завоевания и явил нам будущую судьбу. И не ошибся. Бойня на Равнинах стала лишь первой ласточкой в череде конфликтов за обладание энергией. Нефтяные компании разрывали священные земли для прокладки трубопроводов, газовые компании скупали целые территории и буквально сотрясали земную твердь своей жадностью. Кроме того, федералы наметили целый план по ликвидации прав резерваций на владение землей, чтобы открыть индейскую страну для старателей точно так же, как это было во времена политики насильтственной ассимиляции. Но теперь в качестве «старателей» выступали транснациональные корпорации с частными армиями, которые в тысячи раз превышали по численности и огневой мощи первоначальных поселенцев-*билигаанов*. Дешен предупредил, что если мы и дальше хотим оставаться *дине* и иметь возможность защищать свои дома, то мы обязательно должны построить эту Стену.

Бюджет утвердили через месяц. Фундаменты, сложенные из камней, взятых с каждой из священных гор, возвели в течение года. Люди смеялись и говорили, что никогда племенное правительство не действовало так шустро. Шесть месяцев спустя случилось землетрясение в Нью-Мадриде, разрушившее Средний Запад. Потом начались ураганы. И к стене прозорливого Дешена стали относиться уже совсем по-другому.

Я помню, как впервые увидела Стену. До этого момента я ожидала чего-то скучного и невыразительного – пятидесяти футовый вал из серого бетона с колючей проволокой наверху,

как в каком-нибудь апокалиптическом фильме. Но я забыла, что *дине* уже пережили свой апокалипсис более ста лет назад. Стена стала не концом для нас, а наоборот – возрождением.

Говорят, *хатаалы* работали рука об руку со строительными бригадами, и над каждым закладываемым кирпичом исполнялась ритуальная песня. Каждый элемент Стены, вплоть до штукатурной сетки, получил от них священное благословение. И Стена начала жить своей собственной жизнью. Когда рабочие вернулись на следующее утро, она была уже в пятьдесят футов высотой. На востоке она прирастала белой ракушкой, на юге – бирюзой, на западе – перламутровыми изгибами морских ушек, а на севере – чернейшими струями. Она была прекрасна. Она была наша. И за ней мы были в безопасности. Хотя бы от угроз внешнего мира. Но иногда самые страшные чудовища появляются изнутри…

Я въезжаю в Тсэ-Бонито в тот момент, когда восходящее над скалами солнце начинает шпарить в полную силу, заливая пустынный город сухим теплом. Тсэ-Бонито имеет свойство нагреваться особенно жарко. Может, потому, что он сосредоточен вокруг Т-образного асфальтового перекрестка, на котором пересекаются две главные магистрали Динеты. Или потому, что окружен белыми столовыми горами, перенаправляющими тепло прямо в каньон Тсэ-Бонито. Или же оттого, что весь город в основном состоит из лачуг с жестяными крышами и старых металлических трейлеров, чье главное предназначение, кажется, состоит в том, чтобы нагреваться на жаре. А может, причина и в том, и в другом, и в третьем. Как бы то ни было, трущобный городок из трейлеров, лачуг и редких хоганов¹⁷ разросся под неумолимым небом пустыни аж на две квадратные мили. По меркам Динеты – бурно развивающийся мегаполис.

Но жизнь здесь довольно опасная. Постоянно царит беззаконие, изредка прерываемое рейдами Охраны Гражданского Правопорядка. Она патрулирует улицы, но без особого толку. Тсэ-Бонито – это городок в духе Дикого Запада, одичавшего до предела. Есть даже свои ковбои и индейцы, причем и те и другие – *дине*. В прошлый раз, когда я искала здесь плохого человека, я случайно вляпалась в перестрелку – больше напоминавшую Корраль О-Кей¹⁸, чем охоту на монстров. Не могу сказать, что рада сюда вернуться, даже если это всего лишь визит к дедушке Таху.

Тах живет в самом центре города. Его дом – один из полудюжины хоганов, разбросанных по оживленному рынку, и я знаю, что если не успею застать его дома, то он начнет слоняться без дела, навещать соседей, покупать что-то повседневное или разглядывать товары в магазине «Мокасин-леди», словом, всячески надоедать окружающим. При этом не обращать внимания на случайные перестрелки и беспокоиться больше о ежедневных сплетнях, чем о собственной безопасности. Впрочем, никто в этом городе не причинит ему зла. Он здесь почти святой. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом: зачем такой известный и всеми любимый человек, как он, общается с людьми сомнительной репутации вроде меня? Иногда мне кажется, для него это что-то вроде благотворительности – учитывая события прошлого года. Обычно проявленная ко мне жалость заставляет держаться от ее источника подальше – я ведь гордая и все такое. Но Тах – хороший человек, и я стараюсь вести себя с ним правильно, насколько могу. К тому же он главный эксперт по монстрам в наших краях, и мне действительно нужна его помощь.

Я останавливаю грузовичок рядом с единственной дверью хогана, прижавшись как можно ближе к стене, поскольку знаю, что уже через час грязная улица будет битком набита людьми и пылью. Затем вытаскиваю из грузовичка все, что оттуда может быть украдено, и иду к двери. В одной руке липкий мешок с головой монстра, в другой – дробовик.

Сама дверь – в традиционном стиле. Такую ожидаешь увидеть где-нибудь за городом, но только не в таком оживленном месте, как рынок Тсэ-Бонито. Ни замков, ни засовов, ничего

¹⁷ Хоган – основное традиционное жилище народа навахо. Традиционные хоганы имеют круглое сечение и коническую форму, однако сейчас все чаще встречаются квадратные.

¹⁸ Перестрелка у короля (загона для скота) О-Кей – легендарная перестрелка в истории Дикого Запада, произошедшая 26 октября 1881 года.

даже отдаленно напоминающего растяжку или сигнализацию. Единственный вход прикрывает пыльное черно-серое одеяло – из тех, что можно купить по дешевке на правительственном торговом пункте. Но я знаю, что вид его обманчив, и стараюсь не прикасаться к поверхности, когда кричу через порог:

– Tax!

Я беру мешок поудобнее, закидываю дробовик за плечо и собираюсь крикнуть еще раз, но тут появляется узловатая коричневая рука и откидывает одеяло в сторону. Толстая ткань метет иссохшую землю, заставляя красную пыль взмывать вверх фонтанчиками.

– Входи, Мэгги, – раздается скрипучий старческий голос, под стать коричневой руке. – Входи, дочь моя.

– Ахехээ¹⁹, дедушка. Спасибо.

Дедушка Tax выглядит как всегда: безупречные джинсы ярко-синего цвета кажутся немного великоватыми на его костлявой фигуре. То же самое касается кроссовок, которые хоть и вышли из моды лет двадцать назад – еще до Большой Воды, но при этом выглядят так, будто их только что достали из коробки. Узкие плечи закрывает черно-красная клетчатая ковбойская рубашка с сияющими белыми пуговицами. На голове щегольски остриженная шапочка серебристых волос, на изможденном лице – лучистые морщинки. Больше всего мне нравятся его глаза. Они всегда живые и полные озорства – словно в голове его постоянно вертится что-то очень веселое.

Люблю я Taxa, правда. Он ближе для меня, чем любой из моих живых родственников. И хотя он не один из них – мы даже не из одного клана, – но он называет меня дочерью. Наверное, это что-то да значит.

Я ныряю под одеяло и расплываюсь в улыбке. Ничего не могу с собой поделать. Мой трейлер – мое убежище. Он служит своей цели не хуже другого помещения, но *хоган* Taxa – это настоящий дом, то есть такой, о каких рассказывают детям в сказках на ночь. Это традиционный *хоган* — одна большая комната внутри восьмигранного строения. Стены сложены из длинных полубревен, крепко связанных между собой и обмазанных бетоном. В дровяной печи, установленной посреди комнаты, уже горит огонь. Запах пиньона²⁰ настолько приятно-острый, что я словно ощущаю его на кончике языка. Теплые тканые ковры красных, оранжевых и коричневых расцветок свисают со стен между старыми рамками от картин, заполненными потрепанными фотографиями улыбающихся членов семьи, которых я не знаю, но которым завидую. На южной стороне *хогана* стоит дешевый диван, а на западной – прямо напротив выходящей на восток двери – импровизированная кухня с раковиной, несколькими шкафчиками и старым облупленным столом от «Формики»²¹. Пол – плотно утрамбованный грунт, покрытый сверху мешаниной из разрозненных обрезков ковров самых разных расцветок. Очевидно, отходы чьего-то текстильного производства, но каждый кусочек безупречен сам по себе. У южной стены стоит свежезастеленная кровать Taxa. Все как обычно, за исключением стопки одеял, аккуратно сложенных на краю старого дивана.

– У тебя кто-то живет? – спрашиваю я, не отрывая взгляда от одеял, и в моей голове вспыхивает воспоминание о том, как я сама падала на диван Taxa.

– Хмм? – Он замечает, куда я смотрю. – Эуу.

Это означает *да*.

Я жду продолжения, но он больше ничего не говорит.

– И…

¹⁹ Благодарю (*tàâdàð*).

²⁰ Píñon – сосна съедобная. Широко распространена на западе США и в Мексике.

²¹ Formica Group – крупнейший в мире производитель изделий из бумажно-слоистого пластика высокого давления (HPL), в том числе и мебели.

— Хмм...

Я качаю головой.

— Забудь. — Он расскажет только тогда, когда будет готов. Кстати, возможно, это не мое дело.

— Я принесла тебе кое-что.

Он хмыкает.

— Я уже почуял запах.

— Прости.

— Охотилась на монстра?

— Ага. Куда положить?

Он кривит губы и указывает на кухонный стол:

— Туда.

— Ты точно не захочешь, чтобы это лежало на твоем столе. Поверь мне.

Он озирается.

— Ну тогда у входа. И *youidii...*²² проходи уже, проходи. У меня есть кое-что особенное.

Угощение!

Я бросаю мешок с головой у входа и подпираю его дробовиком.

— Ну и что же это за угощение? — спрашиваю я, обходя хоган по часовой стрелке.

— *Гоувээ!*²³ — отвечает он с озорной улыбкой.

Темное лицо его светится, когда он приподнимает банку с самым красивым веществом на земле. Кофе.

— Откуда это у тебя? — спрашиваю я с благоговейным трепетом.

Кофе стоит дорого, и его чрезвычайно трудно достать. Но, к счастью, он растет на больших высотах. Плантации на высоте более четырех с половиной тысяч футов²⁴ пережили Большую Воду практически без потерь, но это не значит, что инфраструктура, необходимая для обработки драгоценных зерен, осталась нетронутой. Я слышала рассказы о сладком эфиопском кофе или индонезийском с землистым привкусом. Когда-то их подавали в специальных заведениях, служивших только для того, чтобы пить в них кофе, но все это давно осталось в прошлом — вместе с доступом к экзотическим странам, где выращивали эти сорта. Кофе теперь привозят только с горных перевалов *Ацтланы*²⁵, и то — далеко не для всех.

Несколько минут спустя закипает вода в кастрюльке на плите. Тах сыплет туда пару ложек своего драгоценного порошка. Это щедрая порция — на нас двоих. Аромат немедленно захватывает все мои чувства, и я чуть ли не падаю в обморок. Даже не помню, когда я в последний раз пила кофе. По правде сказать, чаще всего я обхожусь *чаем навахо*²⁶, который растет сам по себе у меня во дворе. Тах подает мне жестянную кружку, наполненную густым черным варевом, и я немедленно делаю глоток, не дожидаясь, пока оно остынет. Напиток немного обжигает, но это именно то, что сейчас нужно.

На плите у Таха стоит еще одна кастрюля. Он зачерпывает из нее две большие порции *точишина*²⁷ и раскладывает ее по мискам. Каша густая и студенистая. Он втыкает в нее ложку, и та остается стоять вертикально. Я тянусь к ложке, но он останавливает мою руку.

— Ну-ка, погоди!

²² Добро пожаловать! (*iàâàð.*)

²³ Кофе (*navah.*).

²⁴ Примерно 1370 м.

²⁵ Ацтлан, или Астлан (*Aztlán*) — мифическая прародина ацтеков, одной из основных культурных групп Месоамерики. На языке науатль слово *azteca* означает «люди из Ацтлана».

²⁶ Чай навахо (также известен как «навахо-чай», «чай прерий» или «трава койотов») — целебное растение, употребляемое в виде чая или настоя.

²⁷ Каша (*navah.*).

Хихикая и пританцовывая нелепую джигу, он лезет в кухонный шкаф и преподносит мне еще один сюрприз. Сахар. Я не видела сахар уже много лет. Конечно, я употребляю шалфейный мед, но старый добрый тростниковый сахар – как во времена, предшествовавшие приходу Большой Воды? Сказать, что я удивлена, – это ничего не сказать. Я так и замираю с открытым ртом.

Он смеется.

– Муха в рот залетит, – шутит он со счастливой улыбкой. – Ты тоже любишь кофе с сахарком?

Люблю ли я? Да я даже не знаю, что это такое. Вообще не могу вспомнить, каков кофе с сахаром на вкус.

– Только кашу, – решаю я подстраховаться. Кофе такой вкусный, что я расстроюсь, если сахар его испортит.

Онсыпляет столовую ложку сахара в синюю кукурузную кашу²⁸. Я немедленно размешиваю ее и ем. Сахар тает на моем языке так сладко, что даже начинают ныть зубы. Идеальное дополнение к слегка ореховому вкусу кукурузы. Просто чудесно.

– Где ты все это достал?

– Мне подарили.

– Подарок что надо! И кто этот друг?

– Не друг. Родственник. Мой внук.

Понятно. Вот, значит, кто его таинственный гость.

– Он приехал из *Бурке*.

Он произносит это слово как «Буур-ке», с длинным раскатистым «у». Я знаю это место. Город в ста милях к востоку от Стены. Когда-то его называли Альбукерке, но после беспорядков от него мало что осталось. Частично сохранившийся город, частичное название. Вполне справедливо. Я слышала, что это очень плохое место. Дикая страна, сотрясаемая межрасовыми войнами и страдающая от гнета водных баронов. Нерешаемые проблемы с беженцами.

Я съедаю еще одну ложку каши. Делаю еще один глоток кофе, и наконец мы оба начинаем завтракать. Раздается только стук ложек о борта мисок да прихлебывание из кружек. Впервые за долгое время я чувствую расслабление в теле. Знакомый уютный *хоган*, теплый кофе с землистым привкусом. На минуту я забываю о чудовищах, о мертвых маленьких девочках, об одиноких трейлерах, и жизнь становится почти идеальной.

– Ну что, ты общаяешься с *Нейзгани*? – спрашивает Tax.

Идеальное разбивается вдребезги. Аппетит вдруг пропадает, и я откладывают ложку в сторону.

– *Нейзгани* ушел. Ты забыл?

Tax фыркает.

– Такие упрямые. Вы оба. Я думал, он уже вернулся.

Наверное, сахар и кофеин попали в мою кровь слишком быстро, поскольку руки вдруг начинают дрожать. Я покрепче обхватываю ладонями кружку и делаю вид, будто внимательно изучаю поверхность стола, за которым мы сидим. Но на самом деле я смотрю на дешевую «Формику», облупившуюся по краям, и пытаюсь сообразить, что ему ответить. Но в голову ничего умного не лезет, и я решаю просто следовать фактам.

– Прошел почти год, Tax. Я не думаю, что он вернется.

²⁸ Синяя кукуруза, или, как еще ее называют, кукуруза хопи (выведена индейским племенем хопи, проживающим в резервации на северо-востоке Аризоны), представляет собой разновидность кукурузы, выращиваемой на севере Мексики и юго-западе США. Растение имеет долгую историю использования: не только в качестве еды, но и как краситель пищевых продуктов и напитков, а также как сырье для ферментированного алкогольного напитка чича морада.

– Не вернется? – Он издает горлом звук, вероятно, означающий недоверие. – А вот я так думать не могу. Тем более сказать. *Нейзгани* — легенда. Герой. Он спас тебе жизнь, когда… — Tax вдруг резко замолкает.

Я трогаю большими пальцами края кружки.

– Мне очень жаль, дочь моя. – Голос старика становится мягким и слегка обиженным. – Я знаю, что ты не любишь вспоминать о той ночи. – Он вздыхает и отхлебывает кофе. – Я хочу, чтобы ты позволила мне помолиться за тебя.

– Нет.

– Очень нехорошо, когда прилипает смерть. Правильная церемония может помочь…

– Tax, пожалуйста…

Он сдается.

– Возможно, с *Нейзгани* что-то случилось.

– С легендарным Убийцей Чудовищ? Это вряд ли.

– Но он не сказал, почему…

– Мы уже обсуждали это!

Я ни за что не расскажу Taxu о тех словах, которые произнес *Нейзгани* на Черном Плато. Стариk все еще видит во мне только хорошее, и такая вера для меня драгоценна. Несмотря на то что учитель разглядел кое-что иное…

– Да, но…

– Давай не будем.

– Мэгги…

– Tax!

Обычно мы не ссоримся, но теперь я нервничаю. Я еще не отошла от убийства и даже не успела отдохнуть. Несмотря на терпеливое гостеприимство Taxa, сейчас я, наверное, произвожу впечатление ужасного собеседника. Я начинаю думать, что приезжать сюда было плохой идеей. Особенно если он настроен поговорить о *Нейзгани*.

Он молчит с минуту, прежде чем начинает говорить снова:

– Не забывай, что *Нейзгани* – не человек. Он думает не так, как мы.

Я фыркаю. Не так, как мы, – это еще мягко сказано.

Голос Taxa становится мягким:

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, что случилось на Черном Плато?

Кружка с кофе начинает дрожать в моих руках. Я придавливаю ее к столу. Крупинки сахара, задержавшиеся на языке, становятся горькими. Я откидываюсь на спинку стула и резко дергаю головой. Все. Этот разговор окончен.

Tax наблюдает за мной с явным любопытством. Но больше ни о чем не спрашивает, только ворчит:

– Как много секретов. Ни семьи, ни друзей, и теперь ты даже не общаешься с *Нейзгани*? У тебя никого нет, Мэгги.

Дело не в том, что мне не нужны друзья или семья. Нужны. Я такой же человек, как все. Просто… все сложно. С *Нейзгани* было как-то иначе. Словно я обрела бессмертие. Рядом с ним я никогда не волновалась. Но быть после этого с кем-то другим? Из крови, плоти и человечности? Не думаю, что захочу взять на себя такую ответственность.

– Все у меня в порядке, – с трудом выговариваю я. – У меня есть ты и мои собаки.

– Я всего лишь старик, с которым можно поговорить. К тому же я долго не прятану. И что ты тогда будешь делать? Нехорошо так жить. В одиночку, ни с кем не связанный. Путь *дине* – обрести связь между собой и близкими, между собой и всем миром. Образ жизни *дине* – это *к’е*, то есть родство, вот так. – Сведя руки вместе, он переплетает пальцы, затем раскрывает ладони, оставляя пальцы переплетенными. – Но ты, твоя жизнь – все отдельно. – Разомкнув

руки, он разводит их в стороны и шевелит пальцами. – Это неправильно. – Он делает паузу и красноречиво смотрит на меня. – Даже если живешь с собаками.

Это старый спор между нами, но сегодня – не спавши, находясь в дерзком настроении и под непривычной дозой кофеина – я к нему не готова.

– Ты поможешь мне со штукой, которую я принесла, или продолжим обсуждать сплетни о Нейзгани?

Сорвавшиеся с языка слова звучат грубее, чем мне бы хотелось, и я запоздало улыбаюсь, чтобы хоть как-то их смягчить. Но улыбка выходит кривая, больше похожая на усмешку.

Он пристально смотрит на меня. Я продолжаю выдерживать эту глупую приклеенную ухмылку на своем лице. Наконец он вздыхает и опускает плечи.

– Давай показывай, что принесла.

– Где ты это взяла?!

Мы стоим напротив друг друга у кухонного стола, держим по кружке свежесваренного кофе и смотрим на лежащую перед нами голову. Он накрыл стол старой пластиковой скатертью, после чего я все-таки вывалаила голову туда, куда он хотел. Я впервые вижу ее на свету. Черты лица чудовища угловатые и грубые. Два разреза для глаз и один для рта. Вид у головы такой, будто ее слепили из глины, после чего ребенок проковырял отверстия палочкой. Нос почти полностью плоский. Голову будто приложили лицом к гранитному утесу и сильно надавили. Под полупрозрачной мясистой кожей, свисающей с черепа, видны прожилки. У головы большой широкий лоб и массивная квадратная челюсть, и это придает ей не менее брутальный вид, чем когда она была живой. Я тихо присвистываю от восхищения. Ну и урод!

– К востоку от Лукачика, в горах, – поясняю я. – Он украл маленькую девочку. Я нашла их в импровизированном лагере примерно через час пути вверх по горе. Он уже жевал малышку, словно это его ужин.

Тах отрывается от изучения головы и смотрит на меня орлиным взглядом – острым и умным.

– Жевал?

– Ага. Точнее, грыз ей горло. Зубами.

Тах берет специальную палочку и раздвигает ею зубы. Челюсти расходятся с удивительной легкостью.

– Странно, – говорю я. – Никакого трупного окоченения. Разве челюсть не должна была стать жесткой?

– Смотри сюда, Мэгги. – Он придвигает меня поближе, указывая палочкой на зубы монстра. Я наклоняюсь. Зубы все одинаковые – тупые и прямые, как старые деревянные протезы. – Ни резцов, ни клыков. Полный рот жевательных зубов.

– Очень странно. Он явно был плотоядным. Разве у хищника не должно быть острых зубов?

Впрочем, это объясняло, почему он так долго грыз девочку и почему не сумел прорвать мою кожаную куртку.

– Кстати, кариеса тоже нет.

– И о чем это говорит?

– Чтобы взрослое животное и без кариеса? – Он качает головой. – Такого не бывает.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Пока ничего. – Он закрывает чудовищу рот и оборачивается к полке позади себя, откуда достает ручную пилу и пару длинных плоскогубцев. – Пора взглянуть, что там внутри.

Я отхожу подальше, пока он трудится над черепом. Не то чтобы я брезглива... Впрочем, ладно – немного брезглива. Я хочу сказать, что когда отрезала голову этой твари, я делала это

в пылу момента. Потягивать редкий ацтланский кофе и одновременно слушать, как при свете дня пилят череп, почему-то значительно сложнее.

– Иди посмотри, – говорит наконец Tax.

Я возвращаюсь к столу.

– И что мне здесь разглядывать?

– Усадку. Аномалии. Болезни.

Я начинаю приглядываться, чувствуя себя немного глупо. Я ничего не знаю о мозгах. Обычно я их вижу уже разбросанными по земле или в виде брызг на стенах, выщербленных моими собственными пулями. Мозг как мозг. Насколько я могу судить, похож на содержимое головы любого другого существа.

– Не понимаю, что с ним не так, – наконец сдаюсь я.

– И немудрено. Здесь не на что смотреть. Мозг абсолютно нормален.

– Но существо не выглядело нормальным.

– Верю.

– И ты сам видел, какие у него странные зубы.

– Да, да, – соглашается Tax и шаркает к раковине. Затем открывает воду и моет руки с небольшим количеством мыльного корня. – Тебе нет необходимости меня убеждать.

– Я не пытаюсь тебя убедить.

Он приподнимает брови, но ничего не говорит. Вместо этого оборачивается обратно к раковине и наливает себе стакан воды. Я раздраженно фыркаю. Иногда общаться со стариком – все равно что разговаривать со священником. Вроде не сделала ничего дурного, а уже чувствуешь себя виноватой.

Он жестом предлагает мне сесть, затем отодвигает стул напротив и осторожно опускается на него. Делает паузу, прежде чем заговорить.

– Расскажи, что ты видела. Там, в лесу. Расскажи, чем это существо занималось.

– Я уже сказала. Оно пыталось сократить девчонку. Я выстрелила ему в сердце. Чистое попадание, которое убило бы кого угодно. Потом я выстрелила еще раз и попала в плечо, но он все равно продолжал наступать. Драка переросла в поножовщину. Я победила.

– Оно разговаривало с тобой?

– Разговаривало со мной? Было не до бесед, знаешь ли…

– Я имею в виду – издавало ли оно звуки, похожие на слова?

Я мысленно прокручиваю в голове наш бой, но ничего подобного не припоминаю.

– Не могу вспомнить. Нет. Точно нет.

Tax пьет воду, задумчиво глядя вдаль.

– Скажи что-нибудь, Tax.

– Я думаю, это… очень плохо.

– Ага. Я тоже. Но отчего плохо, ты мне можешь сказать?

– Почему именно горло девочки, Мэгги? Почему не сердце? Или мягкий живот?

– Разве это важно?

– Да, если у него была на это какая-то особая причина.

– Какая, например?

Tax тяжело вздыхает.

– Не знаю. Но ни в одной из известных мне историй нет монстра, который ест горло.

– Думаешь, могут быть и другие?

– Другие монстры? – Он пожимает худыми плечами. Поднимается, упираясь руками в стол. Стоит несколько секунд. Затем снова садится. – Я не уверен, что это существо… Мне кажется, оно не родилось естественным путем. Оно создано. Кем-то очень могущественным.

– Создано?

Стены вокруг словно начинают мерцать. Становятся иллюзорно-туманными. Было бы соблазнительно обвинить во всем кофеин, но я понимаю, что голова закружилась от внезапного приступа страха.

Он смотрит на меня своими добрыми глазами. Одна рука старика покоится на столе. Другая обхватывает старую синюю жестянную кружку. Огромное серебряное кольцо на среднем пальце слабо поблескивает в искусственном свете.

– Тебе не понравится, что я скажу.

– Мне уже не нравится, а ты к тому же заставляешь меня нервничать.

– Об этом монстре я понял немногое, но могу сказать точно, что он жаждет человеческой плоти. Причем не в качестве еды. Я думаю, он что-то ищет. Чего-то такого, что ему не хватает. И это возможно только в одном случае: если тот, кто создавал его, использовал плохие снадобья для придания формы.

– Колодство, – говорю я мягко и с приподыканием. – Я так и поняла. Еще там я почувствовала его запах.

Колдуны *dine* могущественны. Это мужчины и женщины, обменявшие свои души на темную магию. Они принимают обликочных существ, чтобы путешествовать под покровом тьмы, или носят на себе драгоценности, похищенные из свежевырытых могил. Один из таких колдунов натравил на меня стаю чудовищ в ту ночь, когда я встретила Нейзгани. И его жестокость до сих пор не дает мне покоя. Я что, в самом деле готова пойти искать нечто подобное? Похоже, доброта в глазах старика имела особый смысл.

– Это не моя проблема, ты же знаешь, – бормочу я себе под нос. – Я выполнила работу и получила за нее плату. Если я побегу сейчас искать этого колдуна, или кто там он вообще, то мне никто за это не заплатит.

– Но ты же пришла ко мне не просто так, Мэгги, – тихо говорит Tax. – Я знаю, что все эти месяцы ты сидела одна в своем трейлере и ждала Нейзгани. Возможно, пришла пора двигаться дальше без него?

– Не знаю, Tax. Разумеется, у меня есть силы кланов, но я не Нейзгани. Я не бессмертная. Если колдун доберется до меня, то я умру, как любой другой человек. А я не хочу умирать. – Tax молчит, поэтому я «выплевываю» из себя то, что меня действительно беспокоит: – Людоедство. Колодство. Очень знакомо, правда?

Я не хочу говорить о той ночи, когда я встретила Нейзгани, но он и так знает о ней в общих чертах.

– Ты боишься?

– Черт, да! – Я откидываюсь на спинку стула. – Я была бы полной дурой, если бы ввязалась в эту авантюру в одиночку.

– Тебе не придется ввязываться в одиночку, – весело говорит он. – Я знаю кое-кого, кто сможет составить тебе отличную компанию.

Глава 5

– Ты про внука? – Я стараюсь, чтобы мой голос не звучал слишком недоверчиво.
Tax уверенно кивает.

– Он живет у меня с конца лета. Изучает Медицинский Путь. Он очень хорошо разбирается в молитвенных песнях, очень хорошо их помнит. И защитные молитвы тоже. Исцеляющие...

С лета? Теперь уже ноябрь. Неужели я так давно не навещала Taxa? Наверное, это говорит обо мне нечто такое, что я сама не замечала.

– Твой внук когда-нибудь охотился на чудовищ?

Он отрицательно качает головой:

– Нет. Но его молитвы сильны, у него хорошая память. И он умный. Очень умный.

– Он из Бурке?

– Из Бурке, – подтверждает Tax.

– А почему он сейчас здесь, в Динете?

– Он учится, я же тебе сказал. – Tax наклоняется вперед, будто хочет что-то сказать по секрету. – Он собирается вернуться к старым обычаям. Мечтает о Погодном Пути. Чтобы помочь нам. Помочь *dine*. А может, и всему человечеству.

– Погодный Путь?

– Умение вызывать дождь, прекращать засуху. А возможно, даже исцелить землю от Большой Воды.

Это трудная задача – справиться с великой шуткой Большой Воды: весь мир может утонуть напрочь, но Динета так и останется страдать под гнетом рекордной засухи.

– Ты реально думаешь, что твой внук сможет это сделать?

Никогда не слышала ни о чем подобном. Ну разве что о стереотипно-индийском «танце дождя». Но Tax явно не имеет в виду дурацкие представления, устраиваемые для туристов, он говорит о настоящем могуществе. О создании и поддержании жизни. Об управлении силами природы. Волосы мои шевелятся, и я рефлекторно чешу затылок.

– Здорово, Tax, но как все это поможет мне выследить создателя чудовищ?

– Мой внук твоего возраста. Он очень хороший молодой человек.

– Хороший человек... – эхом отвечаю я, и вдруг картина наконец складывается. Вот к чему он клонил, осторожно беседуя со мной об одиночестве и задавая вопросы о Нейзгани.

– Ты что, пытаешься меня с ним свести?

Я думала, старик предлагает мне напарника, который поможет выслеживать монстров, а он, похоже, решил взять на себя роль свахи.

От моего вопроса он даже не смутился.

– Вы прекрасно друг другу подходите.

Я хохочу – немного громче, чем хотелось бы, но ничего не могу с собой поделать. Пока я распиналась здесь о битве с чудовищами, Tax всего лишь хлопотал о моей личной жизни. Даже сама мысль об этом смехотворна.

Tax хмуро смотрит на меня. Наверное, он думает, что я смеюсь над ним, но это вовсе не так. Наверное, надо попробовать зайти с другой стороны.

– Так ты говоришь, он целитель, да?

– Очень хороший. Великий целитель!

– Отлично. Великий целитель. Ну тогда ты сам не захочешь, чтобы он оказался возле меня. Я могу научить его только смерти.

Tax хмыкает.

— Если ты пойдешь охотиться на этого колдуна, то никакое оружие тебе не поможет. Тебе понадобится сильное снадобье, а у моего внука оно как раз есть.

Ну ладно, возможно, он толкует не только о моей личной жизни. И в чем-то он, конечно, прав. Меня тревожит перспектива сражения с колдуном достаточно могущественным, чтобы создавать монстров, если у меня не будет собственных снадобий.

— Может, мне вообще не стоит с этим связываться?

— Просто познакомься с моим внуком, Мэгги.

— Ну хорошо. — Я поднимаю руки в знак капитуляции. — Я встречусь с ним. Где он?

Мы оба смотрим на пустой диван с собранной постелью. Я развожу руками, показывая, что сделала все, что могла.

— Вряд ли я его дождусь...

— Кого дождешься? — раздается голос за спиной. В открытом проеме входа появляется фигура человека, контрастно очерченная утренним солнцем.

Незнакомец прислоняется к дверному косяку и небрежно засовывает руки в карманы. Зеркальные синие очки скрывают его глаза, резкие тени мешают как следует рассмотреть лицо. Он стройный, среднего роста. На дюйм или два²⁹ ниже моих шести футов³⁰. Примерно моего возраста, плюс-минус год.

— Ты кто? — спрашиваю я и машинально опускаю руку к Böker'у на поясе, щурясь от света. Тах встает с места.

— Это мой внук, — торжественно объявляет он. — Великий целитель!

²⁹ Примерно 4–5 см.

³⁰ Около 1,83 м.

Глава 6

Оказывается, внука Таха на самом деле зовут Кай, а не Великий целитель, и довольно скоро выясняется, что мы с Каем вряд ли станем парой, на что так напрасно надеялся Tax.

Возможно, причина в его одежде. На нем темно-фиолетовая рубашка на пуговицах, заправленная в бирюзовые брюки с безупречно острыми складками, и галстук в серебряную полоску. На ногах серебристые туфли, выглядящие для резервации невероятно – как хрустальные туфельки. При этом они безупречно сияют, несмотря на вездесущую красную пыль. А эти синие зеркальные «авиаторы», вероятно, стоят, как мой грузовик… вернее, стоили – в те времена, когда и очки, и грузовик были новыми.

Возможно, причина в его внешности. Он красивый. Нет, даже не так… Он был бы прекрасен, как кинозвезда или мальчик из бойз-бэнда, если бы кинозвезды или бойз-бэнды еще существовали. Густые и черные с голубоватым отливом волосы, уложенные в искусном беспорядке, идеально сочетаются с дизайнерскими солнцезащитными очками и модной одеждой. Безупречно гладкая смуглая кожа заставляет меня комплексовать по поводу собственных шрамов от выдавленных прыщей на щеках.

Или, может, дело не столько в симпатичной внешности или в модном костюме, а в том факте, что он зашел к Таху без четверти восемь утра, явно вернувшись с ночной гулянки, которая только недавно закончилась. И хотя он не выглядит так, будто был на вечеринке – руки совсем не дрожат, когда он наливает в кружку с кофе овечье молоко, – тем не менее от него пахнет дымом, алкоголем и потом. Не то чтобы мне это было неприятно, но я готова поставить доллар против пончиков, что в то время, пока я охотилась на чудовище, Кай веселился с друзьями и пытался подцепить какую-нибудь местную девицу.

Я очень уважаю Taxa, это даже не обсуждается. Но при всем уважении Кай совсем не тот человек, который мог бы мне помочь.

– Так ты говоришь, тебя зовут Мэгги? – спрашивает Кай, помешивая молоко в своем кофе. По меньшей мере на трех его пальцах сверкают перстни. Я не вижу его взгляда за очками, но чувствую, что он смотрит на меня. Оценивает и делает выводы.

Что ж, справедливо. Я занимаюсь тем же самым.

– Совершенно верно.

– Она твоя? – Он переводит взгляд в сторону головы монстра и слегка хмурится, но в его взгляде больше любопытства, чем отвращения. Я ожидала несколько более эмоциональной реакции. Ведь не каждый же день вы находите отрубленную голову на столе рядом с завтраком, но, к чести Кая, он воспринимает ее совершенно спокойно.

– Ну не совсем моя, – отвечаю я, – но принесла я.

– Мэгги – убийца чудовищ! – щебечет Tax с нескрываемой гордостью. – Ее учил сам *Наайее Нейзгани*³¹. Я рассказал ей о тебе. И о том, что ты можешь помочь ей в охоте на монстров.

Громко скрежетнув ложкой по дну кружки, Кай вдруг замирает. Затем хмурится еще сильнее, мелкие морщинки портят его безупречное лицо.

– Ты сказал, убийца чудовищ?

– Эху!³² – восклицает Tax. Его неистребимый энтузиазм заставляет меня покраснеть. Тем более что прямо сейчас я собираюсь сделать нечто такое, от чего он меня возненавидит.

– Можно с тобой поговорить? – тихо спрашиваю я у Taxa. Затем бросаю взгляд на Кая. Молодой человек вертит ложечку между длинными пальцами и разглядывает меня. – Наедине.

³¹ Убийца монстров (*iàâàð*).

³² Да (*iââàð*).

– Хмм… Конечно, конечно.

Мы встаем, я натянуто улыбаюсь Каю вместо извинения и мягко веду Таха за локоть к противоположной стене хогана.

– В чем дело? – спрашивает он.

– Прости, Tax, но мне он не нужен.

Мы стоим в углу, но не настолько далеко, чтобы Кай не мог нас расслышать. Но этого расстояния вполне достаточно, чтобы я не чувствовала себя так, будто бью парня по лицу.

– Но почему?

Я густо краснею, ощущая неловкость. Снова бросаю взгляд на Кая. Тот уже стоит, склонившись над отрезанной головой и тыкает в нее ложечкой, перекинув галстук через плечо.

– Ты говорил, он Великий целитель, – понижая голос до предела, – но только взгляни на него. Прическа, одежда… Ну что это такое?

Tax качает головой:

– Ты неверно поняла меня, Мэгги.

Кай откашливается, и мы оба оборачиваемся.

– Не знаю, что именно вы там обсуждаете, но я был бы более чем рад помочь.

– Спасибо, не надо, – отвечаю я.

Tax глубоко вздыхает.

– Хотя бы расскажи ему, что мы уже выяснили о монстре. Мой внук умный. Возможно, подскажет еще что-нибудь.

– Уверена, что ты прав, Tax, но, думаю, я справлюсь сама.

– Не будь такой упрямой. Он может тебе помочь, – опять начинает давить Tax.

Чувствуя, мы снова стали ходить кругами, и ясно, что Tax не примет «нет» в качестве ответа. Я ничего не имею против Кая – правда не имею, но придется стать более жесткой, если я хочу достучаться до Taxa.

– Послушай, он может быть твоим внуком и наверняка учит какие-то целительные песни или типа того, но он *бурженъо*³³, Tax. Ты действительно считаешь, что он пойдет сражаться с монстрами в таком прикиде? Без обид, но он сможет хотя бы заметить монстра раньше, чем тот укусит его в?..

– Ты говоришь об этих *тсэ наайее*?³⁴

Я застываю на полуслове. Затем оборачиваюсь, открыв рот.

– Что?

– *Тсэ наайее*. Ну или что-то похожее. – Кай снимает солнцезащитные очки. Складывает их и аккуратно кладет на стол. – Существо, созданное из смеси плоти и природных материалов: дерева, камня, даже кукурузы. Но без способности к речи. Для того чтобы его оживить, наверняка понадобился довольно мощный сакральный предмет. Их немного, все они наперечет. Можно начать поиски с библиотеки в Краун-Пойнте. В тамошнем аудиоархиве хранится множество рассказов старейшин. Я довольно неплохо умею их расшифровывать. В смысле, неплохо для *бурженъо*.

Он задумчиво трогает жесткие волосы чудовища – те самые, которые Tax срезал со скальпа, когда проводил аутопсию³⁵ на кухонном столе. Затем Кай поднимает кофе с молоком, спокойно смотрит на меня и делает глоток своим идеальным ртом.

Я оборачиваюсь к Taxу. Старик сияет. Если бы я плохо его знала, то подумала бы, что он меня разыграл.

³³ Оскорбительный термин для обозначения жителей Альбукерке (штат Нью-Мексико) и его окрестностей.

³⁴ Каменный зверь (*íàâàð*).

³⁵ Аутопсия – вскрытие трупа.

Глава 7

Мы взяли с собой голову чудовища, полфунта сахара, пару банок кофе, бутылку виски (особое пожелание Кая) и провизию, которой нам хватит на неделю. Все это упаковано и сложено в кузов моего грузовичка. Кай внутри дома говорит что-то Таху о том, что он клянется соблюдать личное пространство, а я стою снаружи, прислонившись к водительской двери, и наблюдаю за толпами жителей Тсэ-Бонито, бродящими туда-сюда по пыльным улицам. Жара уже зашкаливает, тесные кварталы и металлические здания аккумулируют тепло и заставляют подниматься температуру окружающего воздуха еще градусов на десять. Кожаная куртка отлично нагревается на солнце, и я чувствую, как пот течет по спине.

Краем глаза я замечаю движение: ко мне приближаются двое мужчин в форме цвета хаки и солнцезащитных очках. Я отворачиваюсь как бы невзначай, наклоняю голову и открываю дверь грузовичка. А ведь так хотелось ускользнуть отсюда незамеченной!

— Так-так-так, Мэгги Хоски. Посмотрите-ка, кто соизволил посетить нашу маленькую сраную дыру!

Захваченная врасплох, я вздыхаю и отступаю от машины. Захлопываю дверь. Медленно поворачиваюсь, держа руки по швам, и вообще стараюсь выглядеть как можно более безобидно.

— Длиннорукий, — приветствую я Пса-Законника с обветренной рожей и крепко сжатыми челюстями. — Я как раз собираюсь уезжать.

— В прошлый раз ты ведь так назвала наш славный Тсэ-Бонито? Сраной дырой?

Он усмехается, но в голосе его нет даже намека на юмор. Я не вижу его глаз за этими чертовыми очками, но знаю, что они маленькие и злые.

Настоящее его имя — Крис Цоси, но каждый, кто сталкивался с темной стороной его личности, предпочитает звать его Длинноруким. Он возглавляет Охрану Гражданского Правопорядка, или, если кратко, — ОГПП, но чаще их называют проще: Псами-Законниками. Длиннорукий — доминантный пес в этой стае гопников со значками, но, к счастью для меня, я далеко не на первом месте в его черном списке. Длиннорукий, наверное, последний человек в Тсэ-Бонито, с которым мне бы хотелось столкнуться.

— Справедливости ради: когда я это сказала, в меня стреляли, — напоминаю я ему.

Он хмыкает.

— По-моему, каждый раз, когда ты сюда приезжаешь, кто-то пытается тебя убить.

— Но только не сегодня, — с надеждой замечаю я.

— День только начался, — шутит он и развязной походочкой подкатывает ко мне.

Я бросаю взгляд на пистолет у него на поясе. Его рука лежит на рукоятке. Свой дробовик я уже положила в кабину грузовика, и теперь до него никак не добраться. Но при мне еще имеются метательные ножи, спрятанные в обувных обвязках, и Böker на бедре. Может быть, Длиннорукий пришел сюда только поговорить. А может, и нет.

Его напарник прислоняется к кузову грузовика и принимается наблюдать за нами. Несколько любопытных прохожих оглядываются, но не останавливаются, а только ускоряют шаг. Никто не хочет стать свидетелем неминуемо надвигающейся полицейской расправы. По крайней мере, пока.

— Что ты здесь забыла, Хоски? — говорит он, растягивая слова. — Кажется, я доступно объяснил, что в Тсэ-Бонито тебе не рады.

— Просто заехала навестить друга. И, как уже сказала, скоро сваливаю.

Он смотрит на кучу вещей, сложенных в кузове. Затем подает знак напарнику:

— Проверь, что там.

— Эй, да ладно тебе! — протестую я.

Он щелкает пальцами в нескольких дюймах от моего лица.

– Закрой пасть, или я арестую тебя за неподобающее поведение!

Хочется громко обматерить этого мелочного засранца, но я заставляю себя молчать. Он будет только рад, если появится повод затащить меня в тюрьму и продержать там несколько дней. А я буду круглой дурой, если предоставлю ему такую возможность. Поэтому я мысленно закрываю рот на замок. Но подавить вызов в своем взгляде просто так не получится.

Ладонь Длиннорукого взмывает и сильно хлопает меня по плечу. Как раз по тому самому плечу, которое пытался откусить монстр. Я вздрагиваю от боли, и Длиннорукий ухмыляется, сообразив, что только что нашел мое уязвимое место, которым грех не воспользоваться. Он придвигается еще ближе, бесцеремонно вторгаясь в личное пространство. Немая демонстрация угрозы.

Я чувствую, как тело мое замирает. Чувствую, как *К'ааханаани* поднимается на поверхность. Ощущения обостряются до предела, и я начинаю видеть его – самый быстрый способ убийства Псов-Законников.

Дело будет так: я ударю в горло, и когда он начнет задыхаться и инстинктивно потянемся к шее, я выхвачу у него пистолет. Затем разверну его, используя как щит, подниму оружие и уложу его напарника, чья реакция настолько замедленна, что он даже не успеет увидеть дуло пистолета, направленное ему в лоб. Бум, бум, потом пистолет к виску Длиннорукого и еще один «бум». Максимум четыре секунды, и они мертвые. Эта мысль мгновенно улучшает мне настроение. Я даже начинаю улыбаться.

Длиннорукий, должно быть, понял что-то по моему лицу. Загоревшийся свет в моих глазах подсказал ему, что он ступил на чрезвычайно тонкий лед. В какой-то момент я вижу, как над его верхней губой выступает пот, который он нервно слизывает, внезапно заколебавшись.

Но тут его напарник кричит:

– Ни хера себе! Здесь отрубленная человеческая голова!

Длиннорукий смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Затем ухмыляется. Любой страх мгновенно испаряется под приливом добродетельного рвения, и он поспешно отступает от меня на два шага.

– Повтори.

– Голова!

Не спуская с меня глаз, он отступает к мешку, который его напарник держит открытым, и заглядывает внутрь. Проходит секунда, прежде чем он снова поворачивается ко мне – уже с прежней развязностью.

– Советую во всем сознаться, Хоски.

– Голова не человеческая.

– Да хрена с два! – усмехается он.

Длиннорукий в курсе, чем я зарабатываю на жизнь. Почему именно сегодня он решил притвориться, что не знает, – выше моего понимания. Тем не менее, взяв голову в качестве доказательства предполагаемого преступления, он снова встает передо мной. Дыхание у него неприятное – горячее и воняет тухлыми яйцами.

– Кого ты убила на этот раз, а? Какого-то бедолагу, у которого хватило ума угостить тебя выпивкой? Черт, а вдруг именно это случилось с твоим героическим напарником? Однажды ночью ты с ним поцапалась, отрубила голову и теперь таскаешь ее с собой в мешке?

«Поцапалась». Кто бы говорил!

– Я охочусь на монстров, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Спасаю людей там, где от твоих Псов-Законников помочь ждать бесполезно.

Он презрительно фыркает, но я прекрасно вижу, что задела его за живое.

– Продолжай убеждать себя, Хоски, и, возможно, однажды ты сама в это поверишь. Все знают, что с тобой не все ладно. Что ты какая-то уродка. – Он наклоняется ближе и понижает

голос до интимного шепота: – Может, не тебе следует охотиться на чудовищ, а наоборот – кто-то должен охотиться на тебя? Чем скорее ты признаешься в этом самой себе, тем скорее я смогу уложить тебя и тем самым избавить от неприятностей сразу всех.

Я знаю, что лучше не давать ему себя провоцировать, но сила *К'ааханаани* уже пришла в возбуждение, и рука моя медленно и небрежно тянется к ножу. Я чувствую, что улыбаюсь, и шепчу в ответ. Мое дыхание у его уха – как любовная ласка.

– Зачем ждать, Крис? Почему бы не попробовать уже сегодня?

Я слышу, как заколотилось сердце в его груди. Чувствую кислый запах его страха. Насла-ждаюсь ощущением себя в роли хищника, а его – моей жертвы. Закрываю глаза и вдыхаю этот запах – опьяняющий и манящий.

Справа раздается громкий кашель, и напряжение моментально спадает. Длиннорукий моргает, затем вновь обретает дыхание и отодвигается от меня и моей немой угрозы подальше.

В легком раздражении я поворачиваю голову и вижу наблюдающего за нами Кая. Рот его растянут в дружелюбной улыбке, но глаза настороженные и внимательные, будто присматривающиеся к дикому животному. Даже не знаю, кого он имеет в виду – меня или Длиннорукого.

– Пора ехать, Мэгги, – говорит он. – А то не успеем добраться до Краун-Пойнта.

Я выдыхаю *К'ааханаани*, внезапно возвращаясь в свою собственную кожу и собственную голову. Это было очень близко. И очень глупо. Если бы я натворила что-то непоправимое, то навсегда оказалась бы по ту сторону закона. И тогда стало бы неважно – охочусь я на чудовищ или нет.

– А ты еще кто такой? – усмехается Длиннорукий. – Новая подружка Хоски?

Кай хмурится, смутившись.

– Длиннорукий считает, что ты красивый, – объясняю я.

Несмотря на попытку Пса-Законника задеть его гордость, лицо Кая светлеет. Для такого человека, как Длиннорукий, нет оскорблений хуже, чем позволить кому-то назвать себя женоподобным, но Каю, кажется, все ни почем. Он ухмыляется и протягивает Длиннорукому ладонь:

– Меня зовут…

– Назад! – орет вдруг Длиннорукий и выхватывает пистолет. И наставляет его на Кая. Вот так, на ровном месте, ситуация скатывается от «хуже некуда» до «полный звездец».

Настает момент хаоса, когда время будто замедляется и ускоряется одновременно.

Моя рука ложится на рукоять ножа.

Я слышу, как напарник Длиннорукого, все еще стоящий в кузове моего грузовичка, пытается выхватить оружие.

Похоже, и сегодня я не выберусь из Тсэ-Бонито без того, чтобы кто-нибудь не попытался меня убить.

– Я не… – начинает говорить Кай.

– Я сказал, руки вверх и шаг назад! – орет Длиннорукий. Сейчас, с выпученными глазами, он выглядит немного сумасшедшим.

С нарочитой медлительностью Кай поднимает руки и делает большой шаг назад – чтобы оказаться поближе к хогану и подальше от Длиннорукого.

– Ты совершаешь ошибку – пытаюсь я сказать, но Длиннорукий обрывает на полуслове, наставляя пистолет на меня.

– Кто-то из вас, уроды, должен рассказать мне о мертвом теле в грузовике, и как можно скорее. Или я потащу вас в тюрьму, где начну весело избивать, как две пиньеты, пока из ваших ртов не посыплются чертовы конфетки правды.

Умеет он обращаться со словами, надо признать. Но теперь голова – это полноценное тело. И я понимаю, что мы уже не сможем выбраться отсюда без того, чтобы кто-нибудь не пострадал.

Кай отвечает первым:

– Если бы вы убрали пистолет, офицер, мы могли бы поговорить. Я был бы рад объясняться.

Я оглядываюсь, и Кай одаривает меня тысячеваттной улыбкой. Более того – подмигивает.

Длиннорукий продолжает держать пистолет, но не пытается сместь его в сторону Кая. Надо же, кажется, он решил послушать.

– Длиннорукий, да? – продолжает Кай. – Вы действительно *тот самый* Длиннорукий? В Бурке вы довольно знамениты.

– Ты что такое несешь? – спрашивает Длиннорукий с подозрением.

– Длинная рука Закона. Оплот законности и порядка в Динете. *Кацик*³⁶ семейства Уриосте очень высоко о вас отзывался.

Длиннорукий несколько раз моргает. Он удивлен, но явно польщен.

– Семейство Уриосте?

Я сомневаюсь, что Длиннорукий вообще знает, кто это такие. Черт, даже я не слышала ни про какое семейство Уриосте, но в устах Кая это звучит впечатляюще. Как что-то важное. Длиннорукий слегка приосанивается и выпячивает грудь, от чего становится похож на степного цыпленка.

Кай кивает. Голос у него ровный и течет спокойно, как горячий жир. Можно подумать, что они с Длинноруким сидят на званом обеде и никто ни в кого не целится из пистолета.

– Мой отец – его зовут Хуан Круз – работает на кацика в Бурке. От него я слышал разные истории о вас.

Понятия не имею, о чем говорит Кай, и никогда не слышала, чтобы Тах вспоминал о каком-то важном зяте в Бурке, но эти приятные слова, кажется, расслабляют Длиннорукого. Да нет, это Кай, похоже, умеет оказывать успокаивающее действие на Псов-Законников. Длиннорукий окидывает внука Таха долгим оценивающим взглядом. Тот стоит с самым бесхитростным видом. При галстучке. В сияющих туфлях. Само очарование. И представьте себе, Длиннорукий опускает пистолет. Я не оглядываюсь, но чувствую, что его напарник тоже расслабился.

Опустив руки, Кай продолжает говорить:

– Как я рад, что мы вас встретили! Обязательно расскажу всем своим родным.

Он протягивает руку с раскрытым ладонью.

Длиннорукий хрюкает от неожиданности. Я уже вижу, как вертятся шестеренки в его ограниченном мозгу, пока он пытается сообразить, какими связями обладает Кай с внешним миром и как это можно использовать. Стена обеспечивает нам безопасность внутри Динеты, но это не значит, что нельзя извлечь пользу из контактов на другой стороне. Хорошие связи – это сахар, кофе. Солнцезащитные очки.

Наконец Пес-Законник отрывисто кивает, убирает пистолет в кобуру и протягивает руку Каю.

Хитрежопый сукин сын.

– Убирайтесь ко всем чертям из моего города, Хоски, – бормочет он и отступает, чтобы пропустить Кая. – Оба. Увижу вас снова – и вы сто процентов окажетесь в тюрьме.

Меня это вполне устраивает.

Напарник Длиннорукого выпрыгивает из кузова.

– А что будем делать с головой?

Длиннорукий отмахивается от него, как от назойливой мухи, и что-то бормочет – для меня неразборчивое.

³⁶ Кацик (или касик) – индейский вождь. Первоначально так назывались вожди на языке таино, коренного населения Антильских островов аравакской группы, которые первыми из индейцев вступили в контакт с европейцами. Позднее испанские колонизаторы стали использовать данное слово для всех индейских правителей.

Кай беспрерывно благодарит, а я стараюсь не терять времени даром. Открываю водительскую дверь и забираюсь внутрь. Вставляю ключ в замок зажигания. Двигатель с ревом оживает, и Кай проскальзывает на пассажирское сиденье. Я включаю передачу, и мы трогаемся с места.

Улица забита пешеходами, но я освобождаю путь, щедро воя клаксоном, и постепенно продвигаюсь сквозь толпу. Машина переваливается с боку на бок на грязной изрытой дороге, и нас мотает по всей кабине. Кай держится рукой за крышу, пока я не выезжаю на шоссе. Но как только дорога становится ровнее, я тут же увеличиваю скорость. И не дышу, пока Тсэ-Бонито не исчезает из зеркал заднего вида.

Сузив глаза, Кай задумчиво наблюдает за мной.

– Что? – зло спрашиваю я.

Я все еще на нервах, взбудораженная охотой на монстра, противостоянием с Длинноруким и вот этим всем. Пальцы сильно сжимают руль, и я заставляю их чуть-чуть расслабиться. Я нервничаю и злюсь, но Кай-то ни в чем не виноват. Наоборот – это он вытащил мою задницу из-под огня, и теперь я перед ним в долгу. Причем он проделал это так, что никого не арестовали, не застрелили и не зарезали. Это далеко не мелочи, так что самое лучшее, что я могу сейчас сделать, – это обуздить свое неприятие и постараться вести себя мило.

– Это было нечто, – говорю я и бросаю на него взгляд.

Он продолжает смотреть. С выжидательным выражением. Похоже, легко не будет. Я делаю еще одну попытку:

– Думаю, это хорошо, что твой отец – кацик или типа того. Это нам неплохо помогло. С Длинноруким.

Вот. Считай это предложением мира.

Но он отворачивается от меня и начинает смотреть в окно. Наблюдает, как мимо проносится скучный пейзаж с редкими кустиками чамисы и белые скалы плато постепенно сменяются красными.

– Мой отец не общается с кациком Уриосте, – говорит он рассеянно. – Он профессор в колледже. В смысле, был им до Большой Воды.

Я хмурюсь, пытаясь вспомнить, что он еще говорил Длиннорукому.

– А мне показалось, ты сказал, что он работает на семейство Уриосте.

– Так и есть. Роет канавы или выполняет еще какую-нибудь поденную работу. Профессоры колледжей в наше время не очень высоко ценятся.

– Значит, нет никакого Хуана Круса – друга высокопоставленного человека?

– Почему? Хуан Круз существует, и он действительно работает на кацика, но он не мой отец. Моя фамилия Арвиго.

– Арвиго? Выходит... ты врал?

Повернувшись ко мне, он коротко улыбается.

– Разумеется. Этот Пес-Законник не хотел правды. Он хотел услышать хорошую историю, и я ее ему подарил. «Оплот законности и порядка в Динете...» Ты что, правда думаешь, что кто-то может ляпнуть такое всерьез? Я все это выдумал.

Ну я даже не знаю... Не знаю, то ли восхищаться крепостью его яиц, то ли разозлиться от того, что он подверг себя такому риску.

– У Хуана есть сын, – продолжает рассказывать Кай. – Хороший парень. Альваро Круз. Мы вместе тусовались, устраивали шикарные вечеринки с Уриосте в горах. Ели их икру и пили их шампанское. – Он ухмыляется, на мгновение отдавшись воспоминаниям. Потом хлопает меня по плечу – тому самому, которое жевал монстр. Я вздрогиваю, но он, кажется, этого не замечает.

– Нет ничего страшного в том, чтобы сказать «спасибо», – говорит он. – Мне было даже приятно помочь. Тот парень показался мне настоящим придурком, и я решил, что неплохо бы вмешаться, прежде чем ты не выдергишь и воткнешь в него нож.

Я хмыкаю, и он начинает смеяться. Это приятный смех – чистый и искренний, но я все еще не могу смириться с его ложью.

– Кстати, – говорит он, вытаскивая из кармана рубашки и надевая свои «авиаторы», – у тебя же есть виски в кузове, верно? Не возражаешь, если мы остановимся на минутку? Очень хочется выпить.

Глава 8

Проехав несколько миль после форта Дефайанс, я резко жму на тормоза.

Впереди, не далее десяти футов от нас, дорогу пересекает койот. Он останавливается и поворачивает голову в нашу сторону. Коричневая морда наклоняется над худыми и длинными серыми лапами. Пару секунд он смотрит на нас горящими желтыми глазами, потом трусит дальше в кусты и исчезает в арройо³⁷.

– Это нехорошо, – говорю я.

– Что нехорошо? – спрашивает Кай.

– Койот перебежал дорогу. Это дурная примета. Иногда предвещает что-нибудь очень плохое.

Кай рассеянно кивает, словно обдумывая мои слова. Он городской парень и вряд ли верит в приметы. Наверняка воспринимает это как суеверие – несмотря на свою медицинскую подготовку. Но потом он говорит:

– Может, нам развернуться? Отъехать назад и найти другой путь?

Я выглядываю в окно и смотрю на солнце. Пересечь путь койота – это не шутки. Но... я не вижу другого выбора.

– Не стоит. Потеряем слишком много времени, если станем сейчас возвращаться. Но... – Я съезжаю на обочину и глушу двигатель. – Сейчас самый подходящий момент, чтобы выпить виски.

Кай смотрит, как я вылезаю и иду к заднему борту. Откидываю его и забираюсь в кузов. Там я нахожу бутылку виски, бережно завернутую в старые одеяла, вытаскиваю ее и иду к переднему краю кузова. Затем отвинчиваю крышку и салютую бутылкой. После чего подношу виски к губам и делаю один большой глоток. Янтарная жидкость обжигает горло. Проглотив, я протягиваю бутылку Каю.

Он уже вылез из грузовика и стоит теперь возле борта, не сводя с меня глаз. Предполу-денное солнце играет в мягких прядях его волос, отбрасывая полосы голубого пламени на лицо и заставляя вспыхивать серебряные полоски на галстуке. Он долго смотрит на меня, словно пытаясь понять, о чем я думаю, затем протягивает руку и берет бутылку. Поднимает и делает долгий медленный глоток. А потом еще один.

– Ты часто посещаешь вечеринки? – спрашиваю я.

Он опускает бутылку и склоняет голову набок, подняв руку, чтобы закрыть лицо от солнца.

– Ты ведь не собираешься читать мне лекции о вреде алкоголя для индейцев? Или рассказывать, что я следую устаревшим стереотипам?

– Просто подумала, что шампанское ближе к твоему стилю.

Моргнув, он издает легкий смешок.

– Ты вообще слушаешь, о чем я говорю?

– Конечно. Даже когда ты несешь полную хрень.

Он смеется, а я спрыгиваю с кузова грузовичка и закрываю задний борт. Затем подхожу и забираю у него бутылку.

– Никогда не пробовала ничего подобного. В резервации нет спроса на шампанское. Когда пришла Большая Вода, мне было пятнадцать. Думаю, к тому времени я уже успела сделать глоток «Курз»³⁸. Насколько я знаю, «Курз» среди пива – как шампанское среди вин, верно? Поэтому наверняка это что-то да значило!

³⁷ Высохшее русло реки или дно оврага (от ёїї. aggoou – «ручей»).

³⁸ Coors – популярная в США марка пива, принадлежащая пивоваренной компании Molson Coors Brewing Company.

Я усмехаюсь собственной шутке, затем откидываю крышку бензобака, вставляю сито и лью туда виски. Мы оба смотрим, как медленно пустеет бутылка.

Кай драматически вздыхает.

– Ничего, переживешь.

– С трудом. – Он трет губы, словно пытаясь запомнить вкус. – Значит, твой грузовик ездит на самогоне...

– На любом топливе, какое получается достать.

– Я думал, в Динете полно ископаемого топлива.

– Так говорят. Но Совет Племени полностью контролирует производство бензина и предпочитает продавать его в Нью-Денвер или ПМЦ. То есть в регионы, наиболее пострадавшие от Энергетических Войн. Там бензин стоит дороже. Поэтому они отправляют его тем, кто готов платить.

– Что такое ПМЦ?

– Прославленное Мормонское Царство. Никогда не слышал? Почти вся территория к западу от Нью-Денвера и большая часть того, что осталось от Аризоны, за исключением Динеты. Говорят, там есть на что посмотреть.

– В ПМЦ?

– Ну хм... я имею в виду озеро Пауэлл, где находятся нефтеперерабатывающие заводы. Всего в двухстах милях западнее Западного края Стены. Говорят, заводы работают день и ночь, и официальные представители племен живут в тех местах как короли. Хотелось надеяться, что после Энергетических Войн ресурсами начнут распоряжаться как-то иначе. В смысле, распределить среди людей по справедливости или хотя бы помочь строить чертовы солнечные панели. Да хрена с два.

– Жадность никто не отменял, – замечает Кай. Лицо у него задумчивое, взгляд немного отстраненный. – У нас в Бурке есть водные бароны, которые ведут себя точно так же. Контролируют буквально все: глубокие колодцы, водосборы, испарители в горах и другие гидротехнические сооружения, какие ты никогда не видела. Вода делает их богатыми, как принцы эпохи Возрождения. – Он сдвигает с лица «авиаторы» и щурится на солнце. – Кажется, везде, где есть природные ресурсы, находится кто-то, кто готов забрать себе все. Чтобы накопить денег больше, чем он в силах потратить.

Я вспоминаю о Защитниках – тех, кто сражался во время Энергетических Войн с транснациональными корпорациями и проиграл. А потом вмешалась сама Земля и утопила сразу всех, не разбирая, кто прав, кто виноват.

– Вода – это жизнь, – говорю я.

– А нефть пить нельзя, – отвечает он старым лозунгом Защитников, который мы все слышали в детстве. Но что-то в его голосе звучит не так. На секунду лицо его затуманивается, и глаза вспыхивают ярким, почти металлическим блеском. Это поражает и заставляет обостриться мои инстинкты охотника на чудовищ. Но прежде чем я успеваю понять, что происходит, он хлопает ладонью по борту грузовичка. От неожиданности я вздрагиваю. – Удивлен, что эта штука еще на ходу. Сколько ей лет?

Я стряхиваю с себя это странное наваждение и откладывают все вопросы на потом.

– Будешь бить мой грузовик – пойдешь отсюда пешком. Это классика автопрома.

Все так. Полноприводный пикап «шеви» 1972 года выпуска. Вишнево-красный и хромированный, как королева красоты. Я не раз возвращала его из мертвых, и он никогда меня не подводил. Я ласково похлопываю его по борту и кладу опустевшую бутылку в кузов.

– Своего рода реликвия, не так ли? – спрашивает он.

– Настоящая сталь из Детройта. Он переживет любую машину, сделанную за последние пятьдесят лет. Всю эту дрянь из стекловолокна и пластика.

Он ухмыляется и смотрит на меня оценивающее.

– А ты шаришь в механизмах!

– Понимаю кое-что, – соглашаюсь я. – Обычное дело для резервации: не умеешь починить машину, значит, будешь перемещаться ножками.

– Да ладно, я не хотел тебя обидеть. – Он примирительно поднимает руки. – Просто сделал наблюдение.

– Ага. Вот и наблюдай с пассажирского сиденья. Пора ехать дальше. – Я прикидываю положение солнца, смотрю на съеживающиеся тени. – У нас еще час, потом придется делать остановку.

– Остановку? Еще даже не полдень.

– Вот именно. «Козлиная тропа», по которой мы едем, проходит через местечко Твин Лейкс. Можно остановиться там. Как раз будет полдень, а около трех часов дня поедем дальше. Иначе машина перегреется. А если она перегреется, нам придется бросать ее и возвращаться пешком.

– Мне показалось или ты говорила, что твой грузовичок – это какая-то супермашина?

– Нет, я сказала, что это классика, к которой следует относиться с уважением. После Твин Лейкс дорога превратится в полный *находишиги*³⁹. Перегрев – это очень плохо. Одна большая выбоина, и мосту конец. А ты можешь представить, как сложно заменить мост «Шевроле» 1972 года в наше время?

– Я уже начинаю переживать.

– Не волнуйся. Верну тебя Таху в целости. – Я открываю водительскую дверь и забираюсь в машину. Кай садится на пассажирское сиденье. – Если, конечно, ничего не случится.

– Мы останавливаемся, когда жарко. Мы не едем по плохим дорогам в темноте. Что может случиться плохого?

Я завожу двигатель и широко улыбаюсь, но мой взгляд невольно устремляется туда, где мы видели койота.

– Ну всегда есть риск нарваться на монстров.

Мы останавливаемся чуть позже полудня, как я и сказала – сразу за Твин Лейкс. Озеро здесь, конечно, никаких нет⁴⁰. Любая вода, которая была здесь когда-то, давно высохла.

Кай сидит, скрестив ноги, на пыльном клочке земли – в условной тени, отбрасываемой скалой. Галстук перекинут через плечо, но очки будто приросли к носу. Он жует кусок вяленого мяса, которым нас щедро снабдил в дорогу Tax. Мы отпиваем из одной фляжки, делая размеренные глотки – ровно столько, чтобы не пересыхало во рту. Если раньше было жарко, то теперь как в печке. Проведите на солнце несколько минут, и вы почувствуете, как начнет гореть ваша кожа. Вы ощутите себя тушкой, засунутой в микроволновку. На таком свирепом солнце не спасает даже наша естественная смуглость. Но как в любой пустыне – это сухая жара. Если под прямыми солнечными лучами невыносимо, то в тени на добрых двадцать градусов прохладнее. Поэтому я припарковала грузовичок как можно ближе к тенистой скале, накинула одеяло с подветренной стороны, чтобы закрыться от порывов пыльного воздуха, после чего мы с Каем разделили обед.

– А почему этот Пес-Законник назвал тебя уродкой?

– Потому что он идиот, – отвечаю я с полным ртом мяса.

– Это понятно. Но это не ответ на мой вопрос.

Я глотаю мясо. Не торопясь выбираю жареный пиньон из маленькой холщовой сумки на шнурке. Потом смотрю на медика-стажера и кладу пиньон в рот. Он стал прогорклым, и я с отвращением его выплевываю.

³⁹ Место, которое лучше обходить стороной (*îââàð*).

⁴⁰ Твин Лейкс (Twin Lakes) – «озера-близнецы» (*âíãë*).

– Тах рассказывал тебе что-нибудь о силах кланов?

Обливаясь потом, он расслабляет галстук и оттягивает рубашку от груди.

– Ну что это дары *дийин⁴¹дине*. Что они бывают только от двух первых кланов – сначала от матери, потом от отца. И что проявляются они только во время большой нужды, да и то не у всех, а только у благословленных.

– Тах назвал это благословением? Дарами Святого Народа?

Кай откусывает еще кусочек.

– А это не так?

– Твой *аччей⁴²* постоянно хочет как лучше, но чаще только портит.

Я прислоняюсь спиной к колесу своего грузовичка и подтягиваю колено к груди, потому что очень хочется почесать икру. Кай сидит напротив меня.

– Думаю, все зависит от точки зрения, – говорит он. – Один видит плохое, происходящее с ним, как несчастье, другой – как потенциал для роста.

Я громко фыркаю.

– Бывают и просто плохие вещи. В страдании нет никакой искупительной ценности. Вся эта благородная чушь придумана для лохов. Чтобы не пугать их первобытной дикостью.

Кая мои слова не смущили.

– Пока я ждал оформления документов на границе в Рок-Спрингс, я познакомился с одной девушкой. Не помню, как назывался клан ее матери, но она была рождена для *Тхажии Дине*.

– *Тхажии?* Не знаю такого.

– Индейка. Ее родили для клана *Людей Индейки*.

– Хм...

Даже не представляю, как индейка может проявиться в качестве силы клана.

– У нее природное чутье на индеек. Она чувствует диких индеек в радиусе мили. И они идут к ней. Она может позвать – а у нее есть эта способность Людей Индейки, – и птицы будут ее. Возможно, это не та супермощь, о которой мы все мечтали в детстве, но когда умираешь с голodom и срочно нуждаешься в пище, то умение приманить индейку может оказаться чертовски полезным. Плюс – можно торговать перьями. – Он поднимает руку открытой ладонью вверх. – Типа, держите, вот вам дар.

– То, что сила одного из кланов доброжелательна, не означает, что таковы все.

– Ты сказала, что страдание никогда не приносит ничего хорошего. А я говорю, что бывает по-разному. – Он откусывает еще один кусочек мяса, и мы делаем из фляги по глотку. – Расскажи, почему так разволновался твой друг из правоохранительных органов?

Мой рот непроизвольно кривится.

– Зачем тебе это знать, Кай? Ты боишься, что тебя со мной увидели?

– Вовсе нет, – отвечает он с обезоруживающей улыбкой. – Я здесь новичок, не забыла?

Я подумал, если ты и Длиннорукий – естественные враги, то, вероятно, это признак того, что мы с тобой должны подружиться. Он вел себя как полный псих. И я, кстати, разделяю точку зрения своего *аччея*. Если *дийин дине* благословили тебя в трудную минуту, то это едва ли превращает тебя в уродку.

Я впиваюсь ногтями в зудящее место на ноге и давлю до тех пор, пока не лопается кожа под тканью.

– А ты умеешь красиво говорить.

Кай опускает подбородок в легком поклоне, изображая признательность.

– А ты умеешь ловко уходить от ответа.

⁴¹ Святой, священный (*íàâàð*).

⁴² Дедушка (*íàâàð*).

Да какого черта!

– Я Хонагаани, рожденная для К'ааханаани.

Он задумчиво кивает:

– Хонагаани я знаю. Это что-то вроде «кружить» или «ходить вокруг». А это значит, ты…

– Быстрая… По-настоящему быстрая.

– Ты хочешь сказать…

– Быстрее людей, скажем так.

Он низко присвистнул в знак уважения.

– Вот это я понимаю – суперспособность. Хотел бы я увидеть…

– Лучше не надо, – отвечаю я. – Если придет Хонагаани, значит, у нас большие неприятности.

– Ну хорошо, – говорит он. – Забудем пока об этом. А что за второй клан? Что означает К'ааханаани?

– «Живая стрела».

– Выходит, ты хорошо стреляешь из лука или типа того?

– Нет, Кай.

Я встаю и потягиваюсь. Смахиваю пыль со спины и бедер. Чувствую, как по икре стекает струйка крови из того места, где я вонзила ногти слишком глубоко. Я смотрю на Кая, по-прежнему сидящего с галстуком на плече. В глазах у него такое любопытство, словно разговоры о силе кланов – какое-то увлекательное интеллектуальное упражнение. Можно подумать, крутые суперспособности не заставят людей относиться к вам с недоверием. Или вообще – как к больному или как к человеку, находящемуся в шаге от того, чтобы самому стать монстром. Когда даже твой наставник отворачивается от тебя с отвращением – настолько ужасна твоя жажда крови. Когда даже он – легендарный воин – не может понять, что тобой движет. Только Тах может считать это благословлением. Или Кай. Но мне-то виднее.

– «Живая стрела» означает то, что я действительно хорошо умею убивать людей.

Кай поднимает «авиаторы» на лоб, будто хочет хорошенько меня рассмотреть. Потом моргает – медленно, с тяжелыми веками, после чего роняет очки обратно на переносицу. Затем поправляет галстук и широко зевает, вытянув руки над головой. Откладывается назад, упервшись локтями в одеяло Пендалтон, и говорит:

– Ну что ж, Мэгз. По крайней мере, ты знаешь, в чем состоит твой талант, верно?

Я таращу на него глаза. Я была готова ко всему: к отвращению, к ужасу. Даже к недоверию. Но невозмутимость? Я вспоминаю, как Кай подошел к Таху, нежно поглаживая отрубленную голову, словно это домашняя кошка, а не… кхм… отрубленная голова чудовища.

– Я хочу сказать, – продолжает он, – когда тебе дается дар, ты вроде как обязана им пользоваться, верно? Верно. – Он поднимает руку, не давая мне ответить. – Конечно, твой талант слегка нетрадиционен, и большинству людей я бы не советовал руководствоваться им при выборе профессии, но если он приносит тебе пользу, то…

Я снова начинаю ковырять ногу.

– Тебя что, это действительно не беспокоит? Ты готов торчать здесь наедине с хладнокровным убийцей?

– Пока мы пытаемся найти кого-то… или что-то, способное создавать монстров, одного из которых я видел у *аччея*? В таком случае твое присутствие – это последнее, что может меня беспокоить. – Он колеблется, затем одаривает меня своей мегаваттной улыбкой. – По крайней мере, пока ты не занесла меня в свой черный список. – Он сдвигается в сторону, опершись на один локоть. – Не пойми меня неправильно. Я знаю, что мне предстоит пройти долгий путь в своей подготовке, но я – человек мира.

– Любовник, а не боец?

Он усмехается.

– Бинго! В жизни должен быть баланс, не так ли? Я считаю, если есть кто-то вроде меня, то обязательно должен существовать и кто-то вроде тебя... до тех пор, пока мы на одной стороне и ты не поддашься искушению... – Он делает рубящее движение ладонью по своей шее.

Я смеюсь.

– Поспи немного, Кай. Если проснешься, то я все еще на твоей стороне.

Он теребит большими пальцами край одеяла. Засомневался, значит...

– Я пошутила, – говорю я.

– Да нет, дело не в этом.

– А в чем? Слушай, я не спала всю ночь, и было бы неплохо...

– Я вижу сны.

Мне становится интересно. *Дине* относится к снам всерьез, особенно к тем, которые видят знахари. Даже такие начинающие, как Кай.

– Что за сны?

– Ничего особенного. Просто... – Он опять теребит край одеяла. – Просто разбуди меня, если я начну разговаривать во сне или что-то в этом духе. Хорошо?

– Конечно.

Он прикасается к своим губам явно бессознательным жестом. Готова поспорить на «Два Серых Холма», которые я оставила в Лукачикае, что в этот момент он думает о вылитом виски.

– Серьезно. Не позволяй мне...

– Я уже пообещала. Если будешь болтать или вертеться во сне, я тебя разбужу. Будь уверен.

Но не только Кай способен видеть сны.

Вначале меня поражает запах дурного снадобья. Небо окрашено в клубящиеся тошнотворные оттенки зеленого цвета. Вдалеке бьет бледно-желтая молния, раздается глухой раскат грома. На раздутую красную луну набегают черные тучи. Земля стонет низко и болезненно в своей агонии, сдвигает горы с океанами и захлестывает города мира кроваво-пенным цунами.

Это Большая Вода моих кошмаров, но я не задерживаюсь здесь надолго. Время меняется, и я оказываюсь посреди лунного пейзажа высохшей земли и плоского пустого небытия.

Я помню это место. Я снова вернулась на Черное Плато.

Кто-то здесь есть. Просто он стоит так, что я его не вижу. Я пытаюсь повернуть голову, но все мое тело сделано из дерева. Стало твердым и неподвижным. Я скашиваю глаза в глазницах что есть силы, но могу лишь мельком заметить незваного гостя. Длинные, вороньего цвета волосы взметаются, как крылья. Это Нейзгани.

Я открываю рот, но не могу издать ни звука. Пытаюсь поднять руку, но она остается прижатой к телу. Моя челюсть шевелится с влажным сосущим звуком. Кровь заливает рот изнутри, и я захлебываюсь ею – густой, теплой, со вкусом сырого мяса. Нейзгани слышит меня, и наши глаза встречаются. Глаза у него серые – похожие на мертвые выцветшие вещи, слишком долго пролежавшие на солнце. Зубы желтые, покрытые жиром, выгрызенным из человеческой плоти. Отдельные сгустки этого жира прилипли к деснам. На голове у него шкура койота мехом наружу, покрывающая шею до плеч. На шее галстук в серебряную полоску. Я чувствую, что все это неправильно. Глаза настоящего Нейзгани как оникс, а зубы – как бриллианты. И только *йеэ наалдоции* носят на себе шкуры животных. Я кричу, захлебываясь собственной кровью, жилы на моей шее напрягаются, но их прокусывает монстр без души, носящий огненную корону на покрытой пеплом голове. Его грубые пальцы ласкают мою щеку, почти любовно пробегают по волосам. На плечо навалилась тяжесть, тупые зубы чудовища терзают мои кости. Моя кожа рвется, и из гнилостного месива вываливаются личинки. Длиннорукий смеется, берет их двумя пальцами и кладет в рот. «На вкус как курица», – говорит он Каю. Кай улыбается – ярко и очаровательно. Пара массивных насекомых крыльев распахивается за его спиной. Густая паутина

наползает на глаза, и он слепнет. «Убей их», – шепчет он. Это не просто слова, это мольба любовника. На длинные пальцы изящных рук нанизаны сверкающие кольца. Прикосновения к моей коже нежны, как весенний дождь. Он наклоняется, целует мой залитый кровью рот и снова шепчет: «Убей их всех!»

Я просыпаюсь – озябшая и дрожащая в тени навеса. Кай лежит напротив меня и крепко спит. В воздухе пахнет пылью и жарой, а не дурными снастями. И я здесь – единственный монстр на многие мили вокруг.

К тому времени, когда мы снова выезжаем на дорогу, солнце теряет свою свирепость. Мягким золотым пятном оно клонится к горизонту. Несколько раз Кай пытается разговорить меня, но я никак не могу отойти от своего сна – от болезненного цвета неба над Черным Плато, от запаха колдовства. От Нейзгани, выгляделевшего как колдун *йее наалдошии*, убивший мою *нали*, – вплоть до мутных глаз и желтых зубов. Однако шкура койота – это ошибка. Колдун, напавший на нас, был одет в волчью шкуру. Но все равно было очень похоже, и в совокупности с остальной частью сон серьезно выбил меня из колеи. Поэтому, когда Кай спрашивает о семье, я говорю: «Все мертвые». А когда он интересуется, кто меня воспитал, я отвечаю: «Наверное, он тоже мертв».

На этом наша беседа заканчивается.

Я рассеянно тру плечо и думаю о чудовище. Думаю о зле. Гадаю, стоит ли считать то, что я увидела во сне, простым совпадением. Или это что-то значит?

– Расскажи, что ты о нем знаешь… как ты там его называл?

Он сидит, прислонившись к пассажирской двери, и рассеянно смотрит в окно.

– Хмм?

– Ну ты сказал, что узнал монстра, когда мы были в доме у Таха. Назвал его *тсэ наайее*.

Он делает вид, будто не хочет со мной разговаривать, вероятно, раздраженный моим дерзким к нему отношением. Но я уже поняла, что молчать не в его стиле, поэтому спокойно жду.

Наконец он не выдерживает.

– Ну *тсэ наайее* не совсем подходящее слово, – признается он, – но что-то в этом роде. Я уже слышал о них раньше. Как я рассказывал, мой отец когда-то был профессором, изучал обычай навахо. Иногда приносил домой записи – устные рассказы старейшин о былых временах. История сотворения, легенды, рассказы о чудовищах. – Он усмехается. – Помню, у него была большая коробка с видеокассетами. Ты помнишь, что это такое? Нет? Неважно. В общем, он получил грант от племени на их оцифровку. Я часто сидел в его кабинете и наблюдал, как он работает.

– Цифровые записи? Думаешь, мы их найдем в библиотеке Краун-Пойнта?

– Именно на это я надеюсь, Мэгз.

Я хмурюсь, второй раз услышав это незнакомое имя.

– Почему ты меня так зовешь?

– Мэгз? Это вроде прозвища. Тебе нравится? Кто-то сказал мне, что надо давать девочкам прозвища. Это помогает с ними сблизиться.

– Кто-то тебе наврал.

– Может, и так… – Он откидывается назад, упирается ногой в переднюю панель и одаривает меня улыбкой кинозвезды. – Когда это сработает, дай мне знать, напарник.

– Слушай, – говорю я, – не жди ничего особенного от нашего временного сотрудничества, хорошо? Ничего личного. Просто я предпочитаю работать без напарников.

– А я слышал, у тебя был напарник.

Нейзгани. Но как ему объяснить? Нейзгани был больше, чем напарник, и больше, чем учитель.

– Он ушел, – просто отвечаю я, – и какое-то время я была сама по себе.

– Охотилась на чудовищ?

– Нет, – признаюсь я. – Этот *тсэ наайеэ* стал моим первым самостоятельным заказом. Я была… ну я несколько раз пыталась поработать с местными командами, но из этого ничего не вышло. Поэтому в основном отдыхала.

Обитая в таком трейлере, как у меня, можно позволить себе сделать перерыв.

– Ну вот. Видишь, как идеально все сложилось? Только ты вышла на работу, и… – Он разводит руками. – Вот он я!

Этот человек неумолим. Я чувствую, что вот-вот улыбнусь, несмотря на то что изо всех сил стараюсь казаться хмурой. Вот ведь гад!

– У меня есть собаки, – бормочу я.

– Да ладно!

– Я в том смысле, что… блин!

Мы взираемся на последний холм, и внизу перед нами расстилается Краун-Пойнт.

Городок Краун-Пойнт – это несколько миль пространства, заставленного трейлерами и сборными домиками вплоть до скромного кампуса технического колледжа. Я помню, что главная дорога, по которой мы едем, огибает восточную окраину города. Если продолжать двигаться по ней дальше, то можно добраться до гастронома «Башас»⁴³ и небольшого ресторана-чика, в котором раз в месяц подают тушеную баранину. По крайней мере, так было раньше. Теперь Краун-Пойнт напоминает заброшенное поле битвы.

Почерневшее, сожженное и усеянное телами убитых.

⁴³ «Башас» (Bashas') – семейная сеть продуктовых магазинов, распространенная в основном в Аризоне.

Глава 9

Мы молча едем по девятому шоссе в самое сердце Краун-Пойнта. На моих коленях лежит дробовик, а Кай что-то высматривает за окном. Возможно, признаки жизни. Но ему не везет. Мертвецы, усеивающие землю вокруг нас, явно не живые.

– Так много призраков, – шепчет он.

– В каком смысле?

– *Ч'идии*. Кругом. Ты их не видишь?

Я вздрагиваю. Такое ощущение, что по моему позвоночнику поползли миллионы крошечных муравьев.

– Нет.

Он кивает. Ни слова не говоря.

На языке навахо духи умерших – это *ч'идии*. Это остаток, злые дела, которые каждый мужчина и каждая женщина оставляют после себя в момент смерти. Они могут овладевать живыми, вызывая болезнь «утопление». «Утопление» – это медленная смерть, погружение в меланхолию и депрессию до тех пор, пока вы не забудете встать с постели, не забудете поесть и в конце концов не разучитесь дышать. Болезнь «утопление» может проходить и скоротечно, в виде приступа, когда вы внезапно почувствуете, что задыхаетесь, и вас начнет затягивать в могилу. Но, быстро или медленно, *ч'идии* убивают в любом случае. К счастью, они, как правило, остаются рядом с телом или заражают жилище, в котором умерший встретил свой конец, так что, пока мы держимся от них подальше, они держатся подальше от нас.

– Однажды я заразилась болезнью призраков, – говорю я, в основном только для того, чтобы услышать свой голос. – Мы охотились. На человека, а не монстра, но зло превратило его в чудовище. Он убил всю свою семью недалеко от Ганадо. Жену, детей, кузенов и даже лошадей. Мой прежний напарник был со мной, но в какой-то момент мы разошлись, решив взять его в клещи. Я наткнулась на него, когда была одна. Загнала в угол в старом заброшенном хогане и застрелила. Но я не отрезала ему голову. Это была ошибка. Его *ч'идии* оказался очень сильным. Все накопленное в нем зло, которое только и ждало возможности подняться и принять форму, и я, глупо застрявшая внутри хогана, поскольку там было тесно и не было возможности выскоичить вовремя. Мой наставник нашел меня через несколько часов. Я билась в лихорадке, бредила и что-то кричала об «утоплении». Он отвез меня к твоему дедушке. Четыре дня и три ночи он пытался спасти меня, и в итоге ему это удалось. – Я бросаю взгляд на Кая. Он по-прежнему смотрит в окно, но слушает. – Так я и познакомилась с твоим *аччеем*. Он спас мне жизнь.

– Они будто… парят.

– Выждают?

Он сглатывает так сильно, что я вижу, как дергается его кадык.

– Не знаю.

– Под твоим сиденьем есть специальные патроны. Начиненные мукой и обсидианом. Это их не остановит, но замедлит. Привяжет на какое-то время к тому месту, где они находятся.

Он лезет под сиденье и вытаскивает коробку с самодельными патронами.

– Как увидишь, что кто-то приближается, рви гильзу и рассыпай заряд навстречу.

– А что потом?

– Потом мы помчимся как можно быстрей.

Он кладет в карман несколько патронов с сосредоточенным лицом.

Это довольно слабый план, но если их действительно так много, как говорит Кай, то ничего, кроме этого, мы сделать не сможем.

К счастью, дело до такого не доходит. Несмотря на окружающие нас следы резни, Краун-Пойнт остается до жути пустым, и мертвые сущности предпочитают держаться на расстоянии. Я хорошо помню дорогу к колледжу, поэтому веду грузовичок прямо через город с привидениями, поворачиваю направо на Лаэр-Пойнт, затем налево на Хоган-Трейл, после чего огибаю пустую сторожку у входа в кампус.

Старая библиотека располагается в почтенном здании, состоящем из двух корпусов, обшитых коричневым металлическим сайдингом и покрытых зеленой крышей. Кто-то пришел к нему пандус для инвалидов и большой, высотой в два этажа, подъезд посередине – с четырьмя бетонными колоннами, разделяющими ряд двойных дверей. Крыша задней части здания приподнята вверх, чтобы добавить дополнительных окон и пространства, которое предполагает атриум на втором этаже. Довольно неплохое здание, если не обращать внимания на обугленный по всему периметру фундамент. Похоже, кто-то пытался сжечь его недавно, но без фанатизма. Кажется, просто зажгли кусты и желтую траву вокруг здания, но не остались следить за тем, чтобы пламя как следует разгорелось. Один – ноль в нашу пользу.

– Думаешь, это безопасно? – спрашивает Кай тихим голосом.

Я ставлю грузовик на стоянку и выключаю двигатель.

– Нет. Но ведь там находится нужная нам информация, не так ли?

Он кивает.

– Тогда пошли.

Я лезу под водительское сиденье и вытаскиваю металлическую коробку. Выбираю маленький ключ на своей связке и вставляю его в замочную скважину. Замок поворачивается и открывается. Внутри «Глок-22» сорокового калибра со стандартным магазином на пятнадцать патронов. Я достаю пистолет и протягиваю его Каю.

– Что это значит?

– Это пистолет.

– Я знаю. Я имею в виду, зачем ты отдаешь его мне?

– Он тебе пригодится, если там окажется что-нибудь большое и плохое.

– Полагаю, что большое и плохое как пришло сюда, так и ушло.

Я настойчиво протягиваю оружие:

– Все равно бери.

– Мне это не нужно. Я не могу… Дело в том, что убийство способно… – Он качает головой.

Я молчу несколько секунд, чувствуя, как непроизвольно сжимается рука вокруг холодного металла.

– Ты что, никогда не пользовался оружием?

– Я же сказал. Я целитель, а не убийца.

– Но ты же говорил, что способен постоять за себя! – кричу я громче, чем мне бы хотелось. Но мне и в голову не могло прийти, что Кай откажется брать в руки оружие.

Он вздрагивает от моего крика и делает успокаивающий жест обеими руками.

– Я могу о себе позаботиться, – говорит он спокойным голосом, – для этого мне не нужен пистолет.

Я проглатываю следующий крик, который был уже готов из меня вырваться.

– Ты доверил мне твою жизнь. Если ты сделаешь так, что мне придется вернуться и рассказать милому старику, что ты умер у меня на глазах, то я сама тебя придуши.

Его губы дергаются.

– Ничего со мной не случится.

Я кладу пистолет обратно и запихиваю коробку под сиденье.

– Смотри у меня.

Выйдя из кабины, я сильно хлопаю дверью для пущей убедительности. Он выскользывает из-за пассажирской двери и идет за мной по бетонным ступенькам. Нарядные туфли звонко стучат по твердой поверхности. Я смотрю на его «косячные» ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.